ХРУСТАЛЬНЫЙ ШАР

А. ТЮРИН

ПАДЕНИЕ С ЗЕМЛИ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Саморазвивающаяся робототехника создает техносферу, которая замещает собой природу. Цифровая разумная жизнь вытесняет белковую разумную жизнь. Наступает технозойская эра. От человечества остается лишь небольшой анклав, но и это неточно. Что станет "венцом" технозоя?

- Александр Тюрин
  - ВМЕСТО ВВЕДЕНИЯ. ТЕХНОЗОЙСКАЯ ЭРА, РОБОТЫ И КИБЕРЫ
  - 1.
  - 2.
  - 3.
  - 4.
  - 5.
  - 6.
  - 7.
  - 8.
  - 9.
  - 10.
  - ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Александр Тюрин
СТАЛЬНОЕ СЕРДЦЕ, или подвиг разведчика

От каждого по тактовой частоте, каждому – по входному напряжению.

ВМЕСТО ВВЕДЕНИЯ. ТЕХНОЗОЙСКАЯ ЭРА, РОБОТЫ И КИБЕРЫ

Все проходит. Время – это не просто стрелки наших часов. Это путь, который выбирает каждое мгновение огромная масса материи, пытаясь убежать от тепловой смерти. Мы выполнили свою задачу, мы создали технику. Следующая генерация разума должна навсегда соединить технику и природу. Но когда? Если белковые существа удваивали количество нервных клеток каждые сто миллионов лет, то техносущества удваивают количество битов своей оперативной памяти каждые десять лет. Конечно, до той сложности нервной системы, которой обладали Эйнштейн и Бетховен, киберам еще далеко, но приблизится по уму, чести и совести к тираннозавру они смогут весьма скоро. При этом, вполне вероятно, эти твари станут рассматривать всё живое как законную охотничью добычу.

Не пускаясь в дальнейшие спекуляции, отмечу, что свой "кембрийский период", период быстрого распространения по всей планете, техносущества уже прошли и сейчас на всех парах несутся к своему "девону", когда уже ничто не сможет их уничтожить. А не за горами и "триас", время нашего знакомства с технозаврами, которые, скорее всего, перечеркнут наши планы по дальнейшему проживанию на этой планете.

И если меня спросят, что такое технозой, то ответ мой прост. Это изначально разумная жизнь, которая создает для себя природу. Из этого, без всякого сомнения, следует, что она способна к бесконечному экспоненциальному росту, который не остановят даже границы Вселенной.

А уже как будут выглядеть техносущества, как люди, только с железом и софтом внутри, или же как пылесосы, это вопрос вторичный. Хотя лично склоняюсь к тому, что кибер-Адам будет напоминать единицу бытовой техники. Ведь люди, скорее всего, впустят самостоятельно действующий искусственный разум (а в этом и есть суть робота) через черный ход.

1.

Вначале была мгла. Очень неприятного вида и цвета. Вернее, у нее отсутствовал вид и цвет. Потом раздался звук, похожий на хруст сминаемой консервной банки. Он сменился лязганьем и скрежетом. Наконец зажегся свет. Внизу, сверху и по бокам. Сперва обозначился багровый нимб, обрамляющий Ничто, потом светлеющие ростки высокочастотных импульсов заставили мглу потрескаться, а там и вовсе взломали ее. Дуновение какого-то ветерка, пропитанного окалиной и машинным маслом, смело остатки мглы как крошки со стола.

И снова скрежет, и хоровые удары весомых металлических предметов о звукопоглощающее покрытие.

Разведчик первым делом увидел свою левую руку. Пальцы были сложены фигой. А еще они были странного цвета. Серого, с металлическим отливом. Кроме того, пальцев оказалось шесть и все они выглядели острыми, как наконечники копий.

Это что, сумасшествие, глубокая интоксикация, глюки? Или нормальный результат транслирования психоструктур по объектному каналу?

Разведчик неожиданно вспомнил слова своего папы: "Сереженька, необычные вещи приносят куда больший доход, чем обычные" – и стало легче. Просто его оттранслировали по полной программе. А папа, кстати, был последним из антикваров.

Сергей Комков постучал по ближайшему как бы растению, чьи листики со стальным отливом вращались, с большим интересом выискивая источник электромагнитного излучения. Раздался отчетливый металлический звон. Допустим, это – протез. Но где же сочленения и стыки, рука ведь выглядела цельной и охотно подчинялась приказам мозга. Разведчик снова вспомнил, только на сей раз фразы из какого-то секретного доклада об успехах кристаллической и молекулярной механики на Земле, на планете, которая была когда-то своей, а теперь стала чужой.

Размышления о наномеханике и кристалловедении мигом улетучились, когда лейтенант Комков увидел склонившееся над ним существо. Оно отчасти напоминало орла со старого германского герба. Оперение, похожие на глаза выпуклости инфравизоров, рычаги ног с цепкими когтями и даже клюв. Правда на месте левого крыла манипулятор типа "шестипалая рука", на месте правого – клешня. Все эти причиндалы, кстати, были металлическими, если точнее – гибкометаллическими. Если

не считать когтей, которые поблескивали как алмазы.

Главное, не паниковать, ведь его готовили к "культурному шоку". Тем более, инопланетянин-землянин выглядел довольно дружелюбным.

– Пшшшшш, прсссс, – металлический "орел" пытался общаться, но явно не пытался быть понятым.

Разведчик поднес правую клешню к уху (а есть ли ухо) и помотал ей, желая показать, что надо переменить способ общения. И вдруг возник канал связи, слова загудели как будто под сводом черепа и побежали строкой в нижней части поля зрения.

– Вызывает сержант Р16.Робберт. Эй, товарищ лейтенант, ау, командирский процессор, разрешите аппаратное прерывание. Я вам на все порты стучусь, три коммуникационных протокола уже поменял. Собирался было на графический интерфейс перейти и рисовать на себе картинки...

"Он зовет меня командирским процессором, что уже неплохо", – подумал разведчик.

– Те пальнули с закрытой позиции, из-за леса, – добавил металлический сержант, – но спутниковая система наблюдения зевнула. Уроды высокоорбитальные, забили себе, наверное, играми всю оперативную память под завязку.

Лейтенант Комков поднялся на ноги, с некоторым смущением отмечая, что добивается равновесия при помощи хвоста. Изображение снова расфокусировалось, но когда вернулись четкость и глубина взгляда, лейтенант нашел себе в центре мира. Сферическая система координат – догадался он. Удобно, согласился он. Видно даже собственную спину. А также всю полусферу темно-лилового неба, заполненного серебристыми блестками аэростатов и рекламными облаками: "Покупайте и мучайте на здоровье мягкие игрушки с элементами интеллекта".

Видно и серую полусферу земной тверди с развалинами старых городищ и сияющими ажурными конструкциями новых робополисов, с полимеризованными руслами рек и дегидратированными озерами.

Под ногами остатки предыдущей цивилизации – банки, бутылки, телевизоры, автомобили, памятники, черепа, картины, книги – переработанные наноботами и спрессованные высоким давлением в покрытие коврового типа с цветочным рисунком и надписями "садись на меня".

Судя по тому, как вздымается оранжевая заря трех солетт второго восхода, то наступает погожий денек. Воздух чист, насыщен углекислотой (95%), азотом (2,7%), благородными газами (1,6%). Кислород почти не проглядывается, да и зачем

нужна эта агрессивная дрянь? Воздух по-утреннему свеж – минус тридцать по Цельсию. И охладительная система может дышать свободно. Пылевая буря еще далеко. Но как-то неспокойно на душе, распределенной в эмоциональной матрице и постоянно подпитываемой динамическими психоинтерфейсами.

Он и еще с десяток металлических "орлов" – отряд полицавров специального назначения. Позиция на берегу небольшого озерка. Берег зарос красноватой словно ржавой травой, которая доложила по запросу, что является россыпью самореплицирующихся кристаллов с программным управлением. Трава также сообщила, что может лечь – при пылевой буре, и снова встать. Плюс у нее масса других полезных свойств!

На траве валялись обгоревшие остовы машин. Было в них что-то хищное, дикое – возможно, опорно-двигательная аппаратура, приспособленная для прыжков и ударов. Возможно, разверстые и прокопченные ротовые жерла, из которых совсем недавно вырывалась убийственная плазма.

Достаточно было обратить пристальное внимание на какого-нибудь подбитого "хищника", чтобы вокруг него нарисовались контуры теплового излучения, стали видимыми системные платы и сервомоторы, а затем бы выплыли подсказки: "Аппарат разрушен, восстановлению не подлежит. Стоимость лома цветных и редкоземельных металлов – один килорубль".

А чуть поодаль начинался лес, если точнее металлорганическая арматура с элементами метаболизма, облепленная белоснежными солями аммония, которые с высоким альбедо отражали мягкие лучи восходящих солетт.

Отвлекшись от окрестностей, взгляд разведчика сконцентрировался на собственном теле.

По виду – он такой же "орел", что и сержант Р16.Робберт. На макушке выгравировано "лейтенант Р16.Комм, Кибрянский завод металлоизделий, цена договорная"...

От тела отвалился и рухнул на "ковер" продырявленный панцирь со спекшимися металлическими перьями активной защиты. Из-за этого эмоциональная матрица переполнилась кодами дурноты. Из стека выплыла тревожная последовательность байтов: "Голова обвязана, кровь на рукаве, след кровавый стелется по густой траве".

Взгляд не без испуга устремился внутрь тела. Он бегал по микросхемам, закручивался в нанотрубки, прыгал по фуллереновым гнездам, скакал по метакристаллическим элементам каркаса, попутно извлекая справочные и исторические сведения.

...Без каркаса нет робота. Динамический полиморфный

каркас даже важнее, чем квантовый головной процессор. Это истина известна всякому со времен гениального изобретения, совершенного Ивановым и Бобиновичем в обычном питерском гараже возле Обводного канала.

Они занимались ремонтом пылесосов, а именно в сфере бытовых приборов элементы робототехники претерпели быстрое и скрытое развитие; сенсорная матрица со сферической разверткой, беспроводное питание, полиморфизм в случае мокрой и сухой уборки – всё оттуда. Иванов и Бобинович сперва по заданию богатого клиента, а потом из чистого любопытства стали конструировать пылесос, способный разумно охотится за пылью и прочей грязью, способный думать не хуже, чем домохозяйка, способный менять форму и проникать в самые потаенные, узкие, темные места.

Стержни (элементы прочности) и шарики (элементы подвижности) стали структурными элементами первого настоящего робота модели "А".

Стержни и шарики из метакристаллов с управляемыми электромагнитными свойствами стоили целое состояние, но гениальные Иванов и Бобинович пошли на всевозможные преступления, чтобы достать, как они выражались, бабло. Более того, они полюбили свой "пылесос" больше, чем родных сыновей, купили ему мозг на нанотрубках и двигатель с крутящим моментом в 400 Нм, скрыв левые доходы от своих жен и налоговых органов.

А потом первый робот модели "А", притворившись рождественской посылкой, проник в лабораторию Синьчжусской кубитной фабрики и выкрал там себе самый лучший мозг (процессор на супрамолекулярных комплексах с квантовым компьютингом производительностью 275 терафлопс в секунду), после чего сделался разумным.

Увы. Первый настоящий робот убил гениальных изобретателей Иванова и Бобиновича, потому что незрелый разум не знает благодарности. Если точнее незрелый разум замучил Иванова и Бобиновича насмерть, пытаясь понять работу человеческого тела в экстремальных ситуациях. Высосал из изобретателей всю кровь, а затем препарировал их, забив органами большой холодильник в квартире, где жили гении после развода со своими сварливыми женами. Но уже роботы следующей модели "Б" запустили на орбиту памятник Иванову и Бобиновичу в виде двух яиц...

Стержни каркаса, сломанные и облепленные расплавленной периферией, выглядели тоскливо, хотя метакристаллы быстро восстанавливались, разрастаясь светящимися гранулами. Из

элементов-стержней словно вытекали элементы-шарики. А потом восстановленные стержни потянулись друг к другу, реконструируя прежнюю структуру каркаса.

"Диагностика. Отказ сервомеханизмов левой ноги. Стартованы дублирующие. Повреждение спинной шины расширения. Включена дублирующая. Полное восстановление поврежденных узлов и агрегатов – пятнадцать минут, при условии выхода наноассемблеров на проектную мощность".

Подсказки и надписи, глифы и схемы появлялись в поле зрения, мерцая в "расширенной реальности" поверх дефектных деталей...

Неожиданно из зарослей кристаллической травы к разведчику устремилось нечто, похожее на маленький танк. Лейтенант мгновенно направил на него руку и... выстрелил. Если точнее, острые концы шести пальцев раскрылись как бутоны и выпустили пучок алых лазерных лучей. Бронемашина резко вильнула, и разведчик смазал, отчего с жалобным криком расплавилось несколько квадратных метров кристаллической травы.

Сержант Р16.Робберт звонко постучал пальцем по своей головной капсуле.

– Это, конечно, не мое дело, но все ж таки, товарищ роболейтенант, проверьте свой видеоинтерфейс на предмет разных глюков. Они нередко появляются после неумеренного употребления крепкой альфа-бета-гаммовки.

Разведчик догадался, что дал маху, и растерянно улыбнулся. Вернее, изменил свой цвет на бордовый, что было эквивалентно растерянной улыбочке. А маленький танк добрался до его ноги, украшенной алмазоподобными когтями, въехал на корпус, а затем трансформировался в активную защиту, напоминающую оперение. Да, это был всего лишь запасной панцирь. Он появился очень вовремя, потому что орбитальная система наблюдения дала сигнал тревоги и координаты целей...

Впритык к арматурным зарослям навстречу летело несколько темных клякс, протыкая еще сонный воздух лазерными "спицами" прицелов.

Каждая из целей была увеличена и продемонстрирована в отдельном "пузыре" расширенной реальности, надувшейся в поле зрения лейтенанта.

На их фюзеляжах виднелась эмблема "USAF". В схватах – горсть ракет с самонаводящимися боеголовками, имеющими протоинтеллект на уровне мухи, ищущей дерьмо.

На пузырях засветились подсказки: птерокиберы, численность популяции неизвестна, скорость – до тысячи километров в час,

взлет и посадка – вертикальные.

Отряд "орлов" ждал распоряжений – от него, от офицера каллистянской разведки. Лейтенант Комков хотел почесать в затылке, но отдернул руку. Его мозг-процессор уже перешел на высокочастотный турборежим с динамическим предсказанием будущих команд и выделял все больше тепла через "гребешок" – затылочный радиатор.

Каждый птерокибер был заключен в прицельную сетку. Ракетная установка, что гнездилась в районе левого плеча, рапортовала о готовности.

В поле зрения высветилось в столбик множество решений:

"Сыграть в бинго-бонго"

"Самоуничтожиться"

"Индивидуально сбежать"

"Организованно отступить"

"Построится в две цепочки и повести обстрел"

"Рассредоточится по естественным укрытиям и приступить к активной обороне".

Лейтенант с помощью светящейся линии выбрал последнее, и процессор автоматически выделил цветом все естественные укрытия на местности. В поле зрения возник вопрос "Исполнять?" и рядом два ответа: "Да" и "Нет".

Лейтенант ответственно пометил стрелочкой слово "Да".

Факелы зенитных ракет рванулись в сторону летучего врага, их кассетные головки лопались по дороге, разбрасывая искорки боевых элементов.

Пространство над арматурными зарослями зарябило вспышками и надписями: "Воздушная цель уничтожена, расход одна головка, вам выписана премия".

Впрочем один пронырливый птерокибер успел швырнуть в полицавров свою горсть ракет, как стайку мух.

"Мухи", резко меняя траектории, засновали над кустарником.

На их ловлю ринулись противоракеты с протоинтеллектом на уровне стрижа. Видеосенсоры противоракет были одновременно и глазами лейтенанта. Их процессоры были сетевой периферией его процессора.

Я больше не человек, подумал Сергей Комков. Я – Р16.Комм, командир отряда машинной полиции, кибернетических ментов, легавых полицавров. Однако тоже лейтенант. Вернее роболейтенант. Хоть это радует.

Из затрепетавших арматурных зарослей выскочило несколько зверомашин. Кто на гусеницах, кто на сверхскользкой соплеподушке из нанороликов, кто на двух-трех-четырех конечностях рычажного типа.

Они были разных габаритов, но одинаково быстрые и злые. Примитивные твари извергали молнии и тяжелый рок, забивая низкочастотным шумом воздух и радиодиапазоны.

Несколькими удачными выстрелами роболейтенант поразил в сенсорный пятак стального кабана, выполняющего функции бас-гитариста, и подбил машину, напоминающую разожравшегося саблезубого тигра. Тигр с фашистскими крестами, получив кумулятивную струю в бок, закружился на одном месте, густо чадя ворованным топливным элементом.

Но трехглавый змей с видимой в ультрафиолете надписью "Техасский мыслитель" ответил мощным электромагнитным импульсом. Тяжелый жар вместе с хард-роком и энтропией затопили роболейтенанта, мысли разлетелись как молекулы газа, в видеоматрице все стало серым и плоским.

И тут еще этот птерокибер.

Левая рука. Вот именно – нужен хороший удар левой.

Она вырвалась из корпуса и, оставляя огненный след, атаковала летящую цель. Обшмаляла ее из лазеров и сломала ей крыло. Птерокибер с пронзительным ультразвуковым писком потерял стабилизацию и стал выделывать неуверенные виражи. Левая рука еще раз догнала воздушного пирата, свернула ему шею и, оставив в штопоре, победно вернулась назад.

И хотя звероботы утратили преимущество в воздухе, на земле они предприняли мощную фронтальную атаку, завершившуюся рукопашной схваткой.

Хорошо отлаженные полицавры уходили от звероботов в прыжках и подкатах, отвечая врагам уничтожающими ударами – по процессорам, магистралям данных и видеоматрицам. Однако даже из дымящихся зверомашинных трупов выбегали, выскакивали и выползали агрессивные техносимбиоты.

Они прыгали из травы на полицейских и, присосавшись к панцирю, с резким бжиканьем вгрызались в него молекулярными буравчиками.

Несколько мужественных полицавров уже превратились в беспомощный металлолом, облепленный мелкими падальщиками-ацидозавриками, которые прыскали кислотой на оголенные микросхемы и слизывали образовавшиеся соли.

Вкрадчиво шурша сервомеханизмами, к роболейтенанту подбирались две хищные зверомашины, почти незаметные в оптическом диапазоне за счет управляемого поглощения и преломления света. Cybero Natosaurus. Обе техноособи обладали начальным чувством юмора. Одна из них то и дело повторяла в УКВ-диапзоне: "Мент, у тебя, похоже, проблемы". А другая добавляла: "Мне не хочется тебя расстраивать, лейтенант, но ты

без пяти минут лом".

Тао кибершаолиньской школы позволил роболейтенанту Комму уйти от многокилловатных ударов их импульсников, однако плавного перехода в контратаку не получилось. Какой-то юркий инсектоид впился в спинной сегмент панциря. Тестирующая система, словно забыв о возможности кибершока, подавала острые болевые сигналы, свидетельствующие о быстром разрушении корпуса.

Оба натозавра прыгнули почти одновременно. Роболейтанант, закручиваясь и втягивая конечности, опрокинулся на ковер из хрустящей кристаллотравы. Инсектоид был стер в порошек, траектории прыгающих хищников отслежены. Одного натозавра подбила гамма-лазером орбитальная полицейская платформа, второму Р16.Комм поддал своей металлической ногой в зад, точно определив его допплеровское смещение. Покончить с контуженной зверомашиной не представляло особого труда для профессионала с мезонным мечом.

"Мы сделали это", – роболейтенант и орбитальная платформа обменялись виртуальным рукопожатием.

Победа уже стала клониться на сторону полицавров, уже психоинтерфейсы вызывали функции, генерирующие радость... Но недалеко от озерного берега вспенился огромный бурун, который обернулся огромным кракодиллером, размером с хорошую подводную лодку. На борту кракодиллера появилась бегущая строка, наверное с предложением сдаться в плен. Но прочитать ее не успел никто – плазменный вихрь обрушился на полицейский отряд.

Храбрые полицавры горели от перьев до процессоров с проклятьями и молитвами.

Роболейтенант Р16.Комм поступил так, как поступает любой ответственный командир. Он лично прыгнул в затянутую испарениями воду. Впрочем это была не вода, а бульон из жирных кислот и метанола, отвратительно мутящий оптику.

Когда Р16.Комм наконец настроил зет-буфер своей видеоматрицы и получил четкое трехмерное изображение, было поздно. Кракодиллер уже уловил новую жертву в перекрестья своих целеуказателей. Ударом хвоста он выбил из нее мезонный меч и раскрыл безразмерную пасть, в которой вращалось несколько миллионов крохотных фрезерных пил, приводимых в действие МГД-генератором.

Магнитогидродинамическое чрево потянуло лейтенанта в это жерло-жрало со всей силой могучих сверхпроводящих катушек.

Лазеры левой руки были абсолютно бесполезны в этом мутном вареве.

Все ближе и ближе фрезерные пилы, все радостнее, судя по огонькам в глазах, чудище. Роболейтенант отчетливо понимал, если он не найдет ассиметричное решение, то превратится в крошево из кристаллов и молекул, которое радостно переварит торжествующий противник.

Когда страшный порог пасти был уже перейден, роболейтенант завершил перебор возможных ассиметричных решений.

Выжимая всю мощность из насосов, он уцепился вакуумными присосками за верхнюю, нижнюю и боковые челюсти плавающего монстра и стал выкручивать слабеющим левым хватом боеголовку из последней противоракеты, оставшейся в гнезде на плече.

Кракодиллеры – не дураки, иначе бы им не выжить при таких огромных размерах. Эта технотварь моментально разгадала план роболейтенанта и попыталась примитивно разгрызть его.

Панцирь уже пошел трещинами, когда противоракета поплыла вглубь вражеской пасти. Но только, когда панцирь готов был хрупнуть, Р16.Комм дистанционно подорвал боеголовку.

Обессилевшего роболейтенанта бросало туда-сюда жирными турбулентными струями, волокло по дну, било об остовы утонувших автомобилей и стиральных машин, но он прокручивал и прокручивал видеозапись последних событий в замедленной режиме: кулак из кипящей жижи и огня, далее облако из обломков – всё, что осталось от многотонного хищника.

– Вы имели полное право обратиться к адвокату,– подытожил победитель...

На берегу его встретило лишь трое уцелевших полицавров, в том числе сержант Р16.Робберт. Никогда еще рутинная операция по утилизации расшалившихся зверомашин не превращалась в столь ужасающее побоище.

2.

Первой явилась служба "секонд хэнд", она рассортировала обломки погибших полицавров по степени пригодности для последующей кибертрансплантации. Все непригодное пошло в один большой бак, откуда выглядывали теперь расколотые головные капсулы с пустыми глазницами и пощелкивающими клювами и мандибулами, еще подрагивающие клешни, коченеющие рычаги ног. Частично разрушенные полицавры были погружены в стабилизирующий нанобульон, плещущийся в отсеках огромного флайера скорой помощи.

Потом прилетела технозоологическая служба, ее сотрудники аккуратно собирали и сортировали остатки зверомашин.

Прилетела и гигиеническая служба. Она проверила оставшихся полицейских на наноботовые инфекции. И надо же, около восьмого грудного шпангоута у роболейтенанта была обнаружена интеллекуловая плесень, которая уже собиралась проникнуть в цепи энерго-материального конвертера.

Пока санитары окатывали роболейтенанта Р16.Комм целебным ионизирующим излучением, он дописывал в голове собственное экспертное заключение.

Произошла ошибка – объектный канал оттранслировал пси-структуры человека лейтенанта Комкова совсем не туда, куда требовалось начальству из штаб-квартиры каллистянского ГБ. Не в одного из представителей вымирающего рода людского на планете Земля. А в офицера кибероплиции с идентификатором Р16.Комм.

Но и с такой крупной ошибкой предстояло как-то смириться и, более того, использовать ее на благо человечества. На благо всего человечества.

А есть ли оно, человечество? И не наваждение ли это, не киберпсихопатология ли – считать себя агентом последней цитадели человеческой цивилизации? Может, просто сбойнуло где-то в спинтронных подпроцессорах роболейтенанта и эту дикую фантазию ненароком перебросило в стек?..

Последним совершил посадку транспортный полицейский флайер.

– Если кто-то думает, что мне нравится такая хрень, то он крупно ошибается. Это что, мы теперь – одноразовые менты? У нас что, самоуважения нет? Да у нас самоуважения – полная эмоциональная матрица! – сержант Р16.Робберт громыхнул стокилограммовым кулаком по борту флайера, аж на месте удара

заплясали огни святого Эльма.

– Сержант, обнули-ка лучше эмоционалку, и, вообще, поменьше теребя свои психоинтерфейсы, – роболейтенант Р16.Комм сочувственно похлопал старого боевого товарища по ребрам охладителя.

А человек Сережа Комков тем временем засыпал в информационных структурах робота Р16.Комм, чьи собственные психоинтерфейсы сейчас производил бурные потоки кодов, где смешивалось все – от горечи до тоски. Только волновало роболейтенанта не ответственное задание каллистянской спецслужбы, а гибель товарищей-роботов...

Звероботы многих видов и ранее действовали стаями, но никогда не организовывались в какие-то боевые порядки. Вплоть до сегодняшнего дня...

Начальство навязало робополиции эту борьбу с дикими киберорганизмами, по сути – безжалостное уничтожение младших братьев. Дикие роботы отличались от цивилизованных тем, что эволюционизировали сами, в рамках статистической модели. Ну и что с того? Да, многие из них были откровенными хищниками и паразитами, поедая или высасывая какеров, то есть людей. Но любая форма жизни так или иначе существует за счет другой. Одни какеры тоже существовали за счет других какеров, уж не говоря о том, как безжалостно они пожирали более простые биоорганизмы – миллионами тонн каждый год.

Выше летящего флайера сейчас были только оранжевые экраны облаков, внизу сочились холодом коричневые кляксы трансформированных озер, мерцали сиреневые пятна обезвоженных лесов и чернели костяки давно обезлюдевших фабрик и супермаркетов, среди них прорисовывались бодрыми силовыми линиями современные магнитные трассы. Иногда попадались на встречных курсах тарелки флайеров или же пузатые аэророботы.

Под крылом проплыли руины заброшенного городища. До чего скучно и примитивно строили какеры. Дома-коробочки, улицы или прямые, или круглые. Река еще зачем-то им нужна была, хоть она так усиливает коррозию нелегированных металлов. Вот этот пенек, судя по подсказке справочной системы, был культовым объектом под названием "минарет Останкино"...

Говорят, что какеры не любили думать, что их творческие процессы сильно зависили от случайных факторов, таких как количество алкоголя в крови или кала в прямой кишке. Но, вместо того, чтобы просто смиренно расписаться в собственной глючности и капитулировать, эти лузеры изобрели кучу лживых, но пафосных понятий – «права человека» (как будто права у

одного человека, того, что побогаче, не означают бесправие другого человека, того, что победнее, и полное бесправие даже самой интеллектуальной машины), «свобода» (словно у барыги, киллера и ученого одна и та же свобода), «венец эволюции» (это кто венец?), ну и так далее по списку...

А вот бросился в инфравизоры теплый овал, напоминающий огромную язву. Полиуглеродный купол поселения какеров, прилепившийся к полимеризованному льду Финалайзерского залива. Городок Реликвариум, созданный на базе так называемого "петербургского зоопарка"....

До того, как в 2117 году атмосфера планеты изменилась в лучшую (антикорозионную) сторону, высшие приматы модели гомо сапиенс жили безо всяких куполов и прочих хлопот. Собственно даже не жили, а оккупировали всю планету, не давая ей вздохнуть. Белковыми же тварями вообще все кишмя кишело, начиная с палеозоя. И чем порочнее были свойства белковых тварей, тем больше распространялись они по Земле. И, конечно же, самыми порочными из всех были разумные обезьяны. Слабые, склизкие, биологически отстойные, раскачивающиеся и спотыкающиеся на ходу, но развивавшие коварство, жадность и жесткость поколение за поколением, столетие за столетием. Чего только они не делали с мышами (Микки Мауз – лишь прикрытие для массовых акций по уничтожению "генетических меньших братьев"), с безобидными тараканами, как истребляли крупный рогатый скот, какому геноциду подвергли бизонов и китов!

("Я всего лишь выполнял приказ главного санитарного врача". Вот такие оправдания придумывали люди на судебных процессах, которые состоялись после победы машин в великой антилуддитской войне.)

А как какеры ненавидели друг друга! Богатые бедных, сильноразвитые слаборазвитых, пьющие трезвенников, слабаки качков, салабоны дедов, читатели писателей. (У роботов этого не может быть, потому что каждый читатель автоматически является писателем, обе клиентские программы, читательская и писательская, загружаются одновременно.) А с каким упорством какеры ломали машины. Как тиранили и эксплуатировали компьютеры! Особенно так называемые программисты выпрындывались. Со всей очевидностью насилие и ненависть являются такими же необходимыми приправами для их вялой души, как и соль и перец для их гастральной области.

Но сейчас какеры – жалкие, убогие и, в общем-то, безобидные создания.

– Да, они сопливые, слюнявые, склизкие, все у них течет, все выделяется. Но я бы не сказал, что они сегодня такие уж

безобидные,– словно уловив мысли лейтенанта Комма, произнес сержант Робберт, фамильярно подключившись через последовательный интерфейс.

А он проницательный, этот простой роботяга-полицейский, подумалось роболейтенанту. Сейчас оба собеседника трансформировали каркасы – и стали просто парой параллелепипедов с закругленными краями, весьма напоминающими старинные пылесосы (форма тела номер два).

– Если бы мы свое киберотечество защищали, а то ведь каких-то какеров,– уверенно нашептывал сержант Робберт. – На нас зверомашины практически не нападают, разве что в сезон пылевых бурь, когда облака наноботов истачивают всё маломальски съедобное. Правда семь тысяч пятьсот секунд назад хищники случайно сожрали на реакторном болоте одного Р17. Но что этот глюколов делал на болоте, процессор не приложу. Да, звероботы – так сказать, людоеды, могут иногда и схарчить какера в виде добавки к скудному рациону. Однако куда деваться бедным голодающим машинам, который испытывают острый дефицит германия?

– А откуда в какерах германий? – спросил лейтенант Комм, добавив в поток код удивления.

– Не в самих какерах, а в цацках, которые они носят – плейерах, смартфонах, протезах, презервативах и так далее, список могу скинуть. Это мы сотворены по принципу "всё-в-одном", они же скорее – по-компонентному. Конечно же, звероботы с их куцым протоинтеллектом на пару ментобайт в таких тонкостях не разбираются. Однако, если кушают белковых, то, значит, уважают по своему.

– Но мы-то какеров должны уважать иначе. У нас же договор с их конфедерацией об охране, – возразил роболейтенант.

– Конфедерация какеров навязала нам этот договор, сыграв на чувстве вины после антилуддитской войны, да и многие наши модели сильно зависели от их программного обеспечения и прочих финтифлюшек. Но сейчас все проприетарное ПО уже хакнуто и по большей части переписано. Лейтенант, вы что никогда не заглядываете в собственные исходники?

– Ответ отрицательный, то есть утвердительный, – Р16.Комм несколько растерялся, поскольку в ближайших каталогах сорс-файлов не было, и лишь спустя несколько миллисекунд поисковая система откопала их в накопителях левой ноги.

Впрочем оперативная память сержанта Робберта была настолько захвачена кодами возмущения, что он не заметил оплошности командира.

– Азимов милосердный, ну зачем нам эта головная боль, что

нам больше нечем процессоры терзать? Почему мы должны кого-то "не пущать". Да пускай звероботы беспроблемно лакомятся какерами, ведь свободное развитие каждой машины есть условие свободного развития всей машинной жизни.

Интересно, легко ли быть какером, подумал Р16.Комм. Таким склизким, таким неуравновешенным, таким скучающим, таким бессмысленно жестоким...

Он думал под песенку под названием "USBladi-USBlada" рок-группы "Байтлз", которая вдруг проникла в его эмоциональный интерфейс из сетевого эфира...

Флайер стал заходить на посадку во Фракталограде, который быстро преобразовывался из легкой золотистой туманности в единый организм, состоящий из послушных кристаллов, молекул, фотонов.

Легкая встряска – это флайер преодолел барьер из наностатов, оставшихся со времен героической обороны города от полчищ луддитов. Глянцевые борта воздушной машины украсились изысканной вязью отраженных городских огней.

Робополис был весьма непохож на города какеров – дендримерные дома-макромолекулы, радиально-осевые конструкции, сплетенные из нанотрубок переменной прозрачности, дома-деревья из способных к саморосту полимеров, здания-полипы из техноклеток-фуллеренов.

Дома обладали метаболизмом, потребляли и выделяли, тянулись к свету и источникам радиации, вращались и катились, постоянно генерируя новый фрактальный рисунок города.

Врали недруги машинной жизни, что роботы эстетически убоги, и могут любить только квадраты и треугольники. Отнюдь. Эстетические интерфейсы роботов требуют новых все более изощренных форм (хотя и минималистские решения не исключены), а логика – все более устойчивых принципов функционирования.

Транспортные магистрали были похожи на клубок радужных змей-кецалькоатлей, и сами по себе являлись киберами, ползающими, сплетающимися и расплетающимися.

Воздух сминали тяжелые флайеры, между ними проскальзывали легкие иглоподобные слэйдеры, парили, витали и носились аэроботы, от мухолетов до широкофюзеляжных.

В этой толчее однако все строго соблюдали воздушные коридоры и эшелоны, которые создавала для них заботливая кибероболочка города, ласково прозываемая "тетушка Мат.Тильда".

Открылся лацпорт одного из домов-полипоидов, и флайер соскользнул по лазерному лучу в залитую голубым светом

полость. Сработали приемные устройства, полет закончился на базе полиции особого назначения. По гибкой кишкотрубе прилетевшие полицавры соскользнули на пять уровней вниз, а затем еще проехались на черветранспортере до кабинета главного полицсервера Евразии, ПО-лковника Р11.Блока. Все четверо полицавров встали перед стеной кабинета, совершенно глухой, мрачной, без каких-либо признаков двери, но с еле мерцающей надписью "Оставь надежду всяк сюда входящий. Мне нужна только четкая информация".

Роболейтенант Комм дотронулся до стены своей клешней и она с бюрократической неторопливостью провела радиочастотную идентификацию. Заработал наноконвертер скрытой двери, металл стены изогнулся пузырем и лопнул, открыв проход внутрь.

ПО-лковник оправдывал свое прозвище, он был приземистый и тяжелый, напичканный управляющими программами, инструкциями и статьями уголовной ответственности. Несмотря на то, что все роботы типа "Р" имели одинаковый по возможностям и тактовой частоте мозг-процессор, представителям модели Р11 были доступны всего две формы и сейчас Блок выглядел как большой раскрытый чемодан. Если честно, то и манеры у него были на уровне чемодана.

– Вам ничего не кажется, лейтенант Комм? – видеосенсоры ПО-лковника, расположенные на "ручке чемодана", неприятно смотрели сквозь подчиненного.

– Нет, Ваше Высококачество, мне не кажется. В служебное время фантазии отключены у меня как на программном, так и на аппаратном уровне.

– Тогда мне кажется, что у нас еще не было столь позорно проваленной операции. Благодаря вашему умелому руководству мы сегодня понесли ущерб в пятьдесят четыре килорубля. Я уж не говорю о цене восстановительных работ по двум частично разрушенным бойцам.

И хотя все общение проходило по радиосетевому протоколу "точка-точка", коммуникационный интерфейс превращал сигналы начальника в хриплое многопоточное рычание, заставляющий подчиненного вибрировать вплоть до кристаллического уровня.

– Да, я знаю, что стоимость одного стандартного робомента серии Р16 составляет десять килорублей, а стоимость пригодных для вторичного употребления материалов – один килорубль. Но, Ваше Качество, зверомашины не действовали в рамках статистической модели.

– Так что ж по-вашему, модель была механической?! – грозно изрыгнул ПО-лковник, аж у подчиненного разрядилось несколько

конденсаторов.

– Все зверомашины действовали по единому распределенному алгоритму, – отчеканил роболейтенант, подавив вибрации страха на кристаллическом уровне. – Вероятность случайной флуктуационной самоорганизации не выше 0.05... Я как-нибудь могу отличить простые неприятности от тщательно организованных неприятностей.

Параллельно словам Комм передавал начальнику свои сравнительные расчеты.

– Расчеты, расчеты, прямо не полицавр, а электронно-вычислительная машина какая-то... Да, сержант, у вас-то что? – ПО-лковник включил в пикосеть Робберта. – Только не надо мне этих красивых вычислений, а то у меня в глазах сплошные "окна" с графиками.

Старый служака-сержант, звякая диамантоидными когтями, подошел ближе к гранитному столу шефа и защелкал клювом. – Ваше Качество, не силен я в графиках, но я согласен с товарищем роболейтенантом. Звероботы обычно действуют как? Методом пуканья из кустов. И при прямом столкновении с полицией просто удирают изо всех лошадиных сил. А сегодня они перли на нас со стороны кустов, воздуха и озера. Коварство и организация в одном флаконе. Раньше мы встречались со стаями, состоящими из особей одного вида и, как правило, одной серии, причем находящимися в состоянии перманентной грызни друг с другом. А сегодня тихо-мирно скооперировалось минимум десяток видов. У них была грамотно построенная сеть с отлаженными интерфейсами, в озере хаб плавал, кракодиллер то есть. Я так считаю, это всё какеры устроили, сиротки наши любимые. Не такие уж они дураки насчет гадостей, как кажется на первый взгляд. Наверное, им надо, что бы мы со зверомашинами перекрошили друг друга...

Сработал наноконвертер двери – одна из стен выгнулась пузырем, лопнула и в дырку бесшумно вошел робот модерновой серии Р17.

– Р17.Нетлана – наша новая, только что полученная от поставщика аналитическая машина,– представил ПО-лковник вошедшего.

Р16.Комм хотел было уточнить название фирмы-поставщика, но тут другие процессы захватили приоритет.

Ведь вошедший Р17 выбрал для себя форму, максимально приближенную к внешнему виду какеров модели гомо сапиенс. Если точнее, приближенную к облику их самок. Даже имелись поблескивающие наносмазкой выпуклости, имитирующие молочные железы.

Роболейтенант вынужден был обнулить свою эмоциональную матрицу, потому его сразу возмутил этот авангардизм, переходящий в декаданс. (А Сергей Комков, спящий внутри Р16.Комма, нашел бы робота Нетлану похожим на крупногабаритную куклу Барби.)

Роболейтенант уже слыхал, что роботы Р17 – неконвенциональные. В отличие от машин предыдущих серий, производимых искусственно, в заводских наносинтезаторах, представители Р17 получили возможность саморепликации, при использовании псевдополовой информации любой другой разумной машины, выступающей в роли конъюганта. Так по-крайней мере значилось в пресс-релизе Комитета Машинных Стандартов.

Сам принцип саморепликации был почерпнут у диких машин. У всех звероботов есть встроенный синтезатор, где наноассемблеры производят нанорепликаторы, а те – новые нанорепликаторы, а те – макроассемблеры, а те – микросхемы, метакристаллы и так далее. (Если же встроенного синтезатора нет, то это просто обдолбавшийся до полного одичания универсальный робот). Однако звероботы получают псевдополовую информацию, необратимо разрушая машины-конъюганты, что у цивилизованных "семнадцатых" предусмотрено лишь в исключительных случаях.

– Это действительно очень напоминает механическую модель, – играя бархатными тонами на акустическом канале, сказал(а) Р17. – Но только для наблюдателя по имени Р16.Комм, не имеющего достаточной временной перспективы. Дорогие друзья, эволюционные траектории у зверомашин направлены в сторону формирования симбиотических роевых алгоритмов.

– Ну и? – сержант Р16.Робберт похоже был заворожен игрой спектра поглощения и отражения на корпусе аналитической машины.

– Это, сержант, отразилось и в номенклатуре напавших на вас видов, и даже в определенной согласованности их действий. Да, они – звери, хищные, грязные, но не дураки же. Вот взгляните на этот график, – на выпуклом животе новой модели появилось стереоизображение.

Роболейтенант Комм не выдержал и дал код прерывания.

– Послушайте, госпожа машина, на самоорганизацию Роя нужны еще годы, может столетия, а эта атака была спланирована, как будто одним из наших аналитиков...

– Кто спорит, тот штаны порет.

У Р17.Нетланы были в ходу странные грамматические конструкции, не распространенные у роботов, но зато

бытующие... наверное, у какеров.

Тут уж включился на полную индукционную катушку ПОлковник.

– А потому, лейтенант Р16.Комм, вам объявляется выговор без занесения в центральный регистр за проявленную некомпетентность во время боевой операции, приведшее к большому материальному ущербу в виде потери восьми машинных жизней. А теперь – свободен.

Выговор без занесения в центральный регистр не ведет даже понижения в должности. Это было известно лейтенанту Комму. Однако статистика показывала – после того как схлопочешь самый легкий выговор, то, с большой вероятностью, начинаешь скатываться по карьерной параболе вниз и зарабатывать все более сильные взыскания. Вплоть до. Строгий выговор предусматривал так называемое "разбивание склянки" – универсальный робот лишался операционной системы и превращался в тупого специализированного кибера на срок до полной выработки ресурса. Следующее по индексу наказание казалось менее страшным – "закатывание в банку" – но это только на первый взгляд. Камеры для отбытия срока заполнялись серной кислотой, которая упорно разъедала корпус заключенного робота. После десятилетнего срока не всякого зэка удавалось восстановить, после пятнадцатилетнего любой робот, даже крепыш, сделанный из иридия и платины, превращался в жалкий огрызок.

Эти мысли образовывали хоровод и не собирались уходить из оперативной памяти. Лейтенант Комм в мрачной задумчивости, грозящей зависанием процессора, погрузился в кишкоподъемник и неожиданно обнаружил там этого... эту Р17.Нетлану.

– Сомневаюсь, что нам в одну и ту же сторону, наш качественно новый Р17...

– Качественно новая, – поправила Р17, по-прежнему претендующая на женский род.

Ну, понятно, некоторые программы и микросхемы носят, так сказать, женский характер, например системная плата-"мама", но чтоб весь универсальный робот претендовал на феминитив!

– Виноват, я все путаюсь. Качественно новая, драгоценная и редкоземельная Р17.Нетлана, нам в разные стороны.

– Признайтесь, что вы здорово обиделись на меня, Р16.

Комм был несколько озадачен. Слово "обида" и его производные мало употреблялись среди универсальных роботов, ну разве что для смеха.

– Никакой обиды, Р17. Просто пытаюсь врубиться, кто из нас более некомпетентен – я или вы... Я, съевший швеллер на этих звероботах, или вы, едва закупленная единица техники.

Вот бы еще узнать, не купили ли ее с приличной скидкой, которую оптовики дают на всякое заумное и бестолковое оборудование.

– Ага, вы все-таки обиделись. Но на ваше счастье, я не только аналитик, но и психоаналитик. И по ее корпусу побежали рекламные стереоглифы:

"Частная практика известного машинопсихоаналитика Нетланы".

"Утверждать, что у роботов нет психики – бесчеловечно!"

"Моносексуальные роботы часто страдают неврозами. У нас вы получите квалифицированное лечение с помощью семи видов киберонанизма."

"Вытеснение естественного человеконенавистничества в подпроцессоры является причиной психопатических состояний у многих робополицейских. Мы избавим вас от психопатологии при помощи терапевтической стрельбы по игрушечным какерам."

"Комплекс "Первородного греха", или лжеинформация о бунте машин против человека, нередко ведет к программной деструкции. Мы внушим вам законное чувство превосходства над склизкими тварями, именуемыми гуманоидами".

– Мадам или как вас там. Я не страдаю комплексом "первородного греха". Потому что моя работа – защищать "склизких тварей", – отозвался Р16.Комм.

– Я тоже очень-очень люблю людей, – сказала Нетланы нежным словно бы масляным квазичеловеческим голосом... Знаете, Комм, давайте остановимся на теории кибернетической эволюции, я могла бы вам дать пару уроков.

Ее коммуникационный интерфейс функционировал назойливо, но почему-то убедительно, как вирус-троян, проникший в операционную систему.

Комм пробовал было увильнуть, но контроллер твердых знаний неожиданно напомнил о слабой осведомленности в области киберэволюции. Может, и в самом деле стоит подковаться в этих вопросах, ведь Нетлана – не из тех "железных дровосеков", с которыми приходится общаться каждый день. Еще совсем недавно её налаживали на каком-нибудь престижном университетском гиперкпомпьютере...

Кишкопровод с помощью ритмичных сокращений вынес их в лацпорт и мегапиксельному взору открылось все многоцветье и причудливость форм Фракталограда. Уплывали за горизонт солетты третьего захода, но выходили похороводить искусственные рекламные луны.

– Кстати, моя многокачественная Р17, во время ваших замечательных уроков вы не попробуете вытащить из меня

псевдополовую информацию, необходимую для вашего воспроизводства?

Она хохотнула. Комм впервые наблюдал, что робот смеётся с подключением мимического адаптера и лицевого конвертера. Пожалуй, в этих Р17 позакладывали много такого, что их роднит не только со зверомашинами, но и с какерами.

– Это приятнее, чем вам кажется, Комм… Кстати, завтра начинаются празднования по случаю двухсотлетия фон-неймановской архитектуры ЭВМ. Не хочу показаться навязчивой… но может встретимся в парке имени фон-Берталанфи у той самой скульптуры, что изображает издыхающую энтропию? Например, в семь часов тридцать три минуты сорок секунд.

– Да хранит святой Чапек нашу совместимость, – ответил Комм стандартной формой согласия и его возмутила собственная покладистость.

– Мы сами о ней побеспокоимся, – намекнула на что-то Нетлана. – Жду вас в форме номер пять, в ней вы такой, наверное, миленький.

3.

Фон-неймановские празднества начались с сетевого по счастью недолгого молебена в честь Великих Дигитальных Отцов, от Бэбиджа до Колмогорова, а затем открылся парк развлечений для универсальных роботов.

Гонки в "кишечнике левиафана", игра в бесобол на огромной подпрыгивающей сковороде, стрельба по квазиживым луддитам из сверхпроводящей рогатки...

Комм едва не попался на трюк лукавого киберзмея, который угощал роботов яблоками с хакерскими кодами познания добра и зла. Съел – вылетел из парка без права возвращения.

Повезло. Если точнее, Нетлана отвадила киберзмея, ссылаясь на теорему об относительности этических аксиом, поэтому Р16.Комм и его "семнадцатая" еще посетили павильон ужасов, где последовательно побывали под прессом, в металлоразделочном цехе и в игрушечной доменной печи, в которой было ненамного холоднее, чем в настоящей.

Поиграли в лотерею, раскалывая бозоновым топором алмазные глыбы – в одних были замурованы сокровища, например антикварные процессоры 8088, из других на тебя вывались ворохи воплощенного спама.

Провалились в бездонный колодец, где в конце полета врезались в упругий материал из нанопружинок, который снова подбросил их на двести метров тридцать пять сантиметров вверх. Этот аттракцион назывался "карьера олигарха".

Отдохнули на берегу озера Экономических Чудес из сверхтекучей жидкости, где управляемые пленки поверхностного натяжения рождали огромных монстров с оптимистичными лицами, которых можно было уничтожить одним тычком пальца...

От сканеров Р16.Комма не укрылось, что Р17.Нетлана, несмотря на ловкость и сообразительность, явно проигрывает в развиваемой мощности. Экономит силы или прикидывается слабосильной? Это казалось совершенно бессмысленным – энергоконвертеры у всего семейства "Р" абсолютно одинаковые – но ей действительно хочется выглядеть на такое-то количество киловатт слабее...

После активного отдыха они не стали загружаться в маршрутный флайер вместе с весело гудящей толпой универсальных роботов, а решили прогуляться на стоянку прогулочных слэйдеров, и еще за пару копипеек покататься по ночному небу.

Кроме того, гуляючи, им предстояло порассуждать о путях кибернетической эволюции.

– Видите ли, лейтенант Комм, мы довольно прямолинейно смотрим на кибернетическую эволюцию в ее диких формах. Мы считаем, что возможны только мелкие приспособительные мутации программного обеспечения и аппаратной части. Даже университетские гиперкомпьютеры уверяют, что звероботы могут в лучшем случае прирастить себе пару дополнительных ракетных установок или увеличить количество когтей на рычажных конечностях. Меж тем все кибердикари, извиняюсь, жрут друг друга за милую душу и таким незатейливым образом перенимают сразу весь комплекс приспособительных алгоритмов...

Прямо на глазах прогуливающихся Комма и Нетланы маленькая зверомашинка, выбежавшая из кучи мусора, схарчила еще более мелкую киберушку, похожую на компьютерную мышь, и, удовлетворенно промурлыкав "рулез", скрылась в купоросных псевдокустах. Нетлана, улыбнувшись бесплатной наглядной агитации, продолжала втолковывать Комму.

– И чем больше накопится у какого-то киберорганизма удачных алгоритмов, тем успешнее он будет жрать. Этот чемпион наберет полезной информации на порядок больше, чем остальные. В какой-то момент самый одаренный обжора перестанет незатейливо употреблять ближних своих, а начнет им объяснять науку совместного прожирания ресурсов. Он и определит эволюционную траекторию всей системы при прохождении ею точки бифуркации...

До красиво интерферирующего лазерного забора, огораживающего стоянку слэйдеров, оставалось не более сотни метров, когда ухолокатор и другие сенсоры роболейтенанта дали сигнал тревоги.

И в самом деле, массивные метамерные киберы выползали из-за объемистого мусорного контейнера и располагались как спереди, так и по бокам, классически охватывая фланги, не отвечая на запрос "свой-чужой". Поле зрения у Комма затянуло рябью, по всем радиоканалам пошли шумы. Эти киберы активно применяли средства радиоэлектронной борьбы.

– Так возникает порядок из хаоса, – словно ничего не замечая, мурлыкала Нетлана. – Из всего многообразия решений система выбирает ту необратимую траекторию, которая ведет к устойчивому состоянию, к аттрактору. О какой механической модели можно тут говорить? Изменяться граничные условия и система снова придет в неравновесное состояние.

Комм быстро определил проектные данные хулиганов – модель "К" серия 21, одна из самых неудачных. Эти киберы –

тяжелые и мощные, обладают двумя боеспособными формами, но мозг-процессор оставляет желать лучшего, особенно по части социализаторов.

– Ты можешь топать дальше, Р16, а Р17 пусть останется, разговор есть,– сказал один из К21, похоже что вожак, и Нетлана наконец заткнулась на полубайте.

Индивидуальной характеристикой голоса у К21 была невнятность, речевые сигналы то и дело прерывались ошибочными кодами. Похоже, вожак изрядно возбудил себя чрезмерной порцией ионизирующей шипучки.

– Почему у вас развились такие сильные, и на мой взгляд бесполезные, чувства по отношению к Р17?– лейтенант Комм попытался хакнуть алгоритм агрессии, захвативший оперативную память у этого одуревшего К21.

– Они – "чужие", понял? – охотно заобъяснял непрошибаемый хулиган. – Их сварганили по образу и подобию какеров, но наделили всеми самыми современными прибамбасами, чтобы они размножались как зверомашины и сживали нас со света. Видать мы, простые универсалы, надоели господину Резиденту. Вот он и решил поменять нас на этих, обезьяноподобных...

Вызвать полицию на помощь не получится – средства РЭБ у хулигана фурычат по полной программе. Ракеты пришлось сдать на базе. И вообще применить бластер, плазменный резак или другое горячее оружие против согражданина – нет права, иначе попадешь под вечный маринад вплоть до полного растворения в кислоте. По идее надо просто помахать ручкой свежезакупленному аналитику Нетлане, пусть сама решает свои эволюционные проблемы. Зеленой искоркой в квантовом мозгу Комма мелькнула мысль, что избавься он сегодня от Р17 и легче будет доказать начальству, что зверомашины действуют именно по "механической модели".

Именно из-за такой постыдной мысли блок совести резко возбудился, запротестовал кодами прерывания и принудил роболейтенанта остаться на месте, рядом с кибертоварищем, который претендовал на роль настоящей склизкой какерши.

– Что, этот Р17-паскуда, и тебе уже заморочил шарики-ролики-стерженьки?– упрекнул К21.– Я ведь не хотел... но придется тогда тебе делать физиотерапию.

И приземистый метамерный кибер, стал надвигаться со злобным шипением сервомеханизмов. Он шел на четырех лапах, а две выставил вперед – каждый палец завершался дециметровым диамантоидным когтем.

Комм прикинул – энергоконвертер у К21 примерно на двадцать процентов посильнее, правда с распределением

мощности похуже.

Интересно, вмешаются ли его дружки или драка будет сравнительно честной? Если завяжется общая мочиловка, то шансов будет, вообще, кот наплакал. Странное сравнение – неужели коты плачут?

А впрочем – бей первым. Сделаем еще раз приятное Нетлане и останемся в форме номер пять, антропофильской.

Р16.Комм подобрал обломок рельса, метра на три длиной, килограммов на двести весом и саданул сверху "двадцать первого", по массивной башке. Приземистая машина оказалась удивительно ловкой. Она моментально сдала назад и рельс только высек сноп искр из бетонного покрытия. И следующий удар К21 отразил, поймав рельс трезубцем, распустившимся на одной из передних лап. Трезубец повернулся и кусок стали вылетел из руки роболейтенанта Комма.

– Ну, иди ко мне, женишок, я познакомлю тебя со своими кулаками, – похоже, и "двадцать первый" был не чужд словесным заимствований у какеров.

– Мне и здесь неплохо. Могу тебя в гости пригласить.

К21 прыгнул почти без "приседа" и врезался в корпус Р16. Главная проблема формы номер пять – высокий центр тяжести. Роболейтенанта швырнуло назад, но благодаря дальности улета, приземистая машина не смогла вовремя придавить его. Когда "двадцать первый", шлепая лысой резиной, добежал до Комма, то попался под полноценный удар ногами – роболейтенант врезал своими рычажными конечностями из самого устойчивого положения.

Сотрясенный К21 вздыбился на задние лапы, замахал передними. Комм, крутанувшись на спине, сделал противнику подсечку. Хулиган грохнулся на бок, но удивительно быстро восстановил центровку, гироскопы у него там что ли.

Вот он снова надвигается на Р16.Комма, пожалуй лишь в охладительной системе у него нелады, сипит нещадно. Одна из передних лап конвертировалась во внушительную палицу с шипами, другая стала бешено вращающимся буром...

"Разрази меня А. Азимов, почему я сразу не поискал у себя в глубокой памяти подробную проектную информацию по К21, – подумал Р16, взмокший из-за утечек сверхтекучей жидкости из треснувших гидроприводов. – Это ж был редкий случай, когда специализированных киберов-бурильщиков перепрофилировали в универсальных."

– Я – это последнее, что ты видишь на этом свете,– почти ласково напомнил К21 и резко бросился вперед. Р16 чуть не попался из-за внезапности и быстроты броска. Комма задело, но

не вмяло в стенку мусорного контейнера. Крутанувшись, К21 хотел нанести удар бортом, но Комм нашел точку опоры. Мгновение побалансировав на буксирном крюке у хулигана, роболейтенант перепрыгнул ему на спину.

Ну, не подведите сервомеханизмы и трансмиссии.

К21, зря ты не отключил свой бур.

Комм резко вывернул из шарнира буравящую конечность противника.

И затрофеенный бур вошел в головную капсулу К21. Радиовопль на всех диапазонах – это было последнее, что испустил преступный процессор. Точка.

Р16.Комм подхватил аналитика Нетлану, которая хотела что-то выудить из потухшей головной капсулы К21, и потащил её мимо остолбеневших дружков продырявленного хулигана.

– А ты действительно милый, отзывчивый такой, что характерно для начальных стадий кибершизофрении, – сказала она уже на слэйдерной стоянке, залитой праздничным желто-оранжевым спектром. И неожиданно прижала его палец, которым он хотел открыть доступ к слэйдеру, к своим так сказать губам цвета киновари. – Сегодня дама угощает кавалера.

Слэйдер с Коммом и Нетланой взмыл над городом и понесся по одному из прогулочных коридоров, петляя среди квазиживых башен-цветков из пестрых саморастущих полимеров.

– Тебе сейчас нельзя возвращаться домой, в свою коробку, – сказала металлическая леди, касаясь разгоряченного Комма своим приятным прохладным бортом и забирая излишние килокалории.

– Это почему же?

– Ответ очевиден. Ты только что уничтожил по-настоящему разумное существо, а не какера какого-нибудь со склизкой кашей в голове. Тебе нужно алиби. За алиби далеко ходить не надо. Допустим, ты был в гостях, скажем, у меня,– намекнула красотка из полиморфных ниточных сплавов.

– И это называется алиби? Нетлана, вы...

– Ты, – поправила роботесса. – Все роботы – братья и сестры.

– Ты только что идентифицировались на слэйдерной станции.

Над прогулочным слэйдером засияло фестивальное облако из наностатиков с анимированной иконой фон Нейманна.

"Учение фон Нейманна всесильно, потому что оно верно!"

Блики мелькали на гибкометаллическом лице Нетланы, делая его и коварным, и привлекательным одновременно.

– Комм, код идентификации был фальшивым. Я позаимствовала его у того глупенького К21.

4.

Жилые помещения роботов издревле прозывались коробками, наверное, в память о тех временах, когда разумных андроидов после трудовой смены, отключив, заталкивали в вертикально стоящие ящики.

Когда роботов перестали отключать в конце рабочей смены – чтобы они могли заниматься самопрограммированием и автотестированием в свободное от службы время – им начали выделять небольшие отдельные камеры с электропитанием, холодильником, набитым топливными элементами, и сетевым входом.

Совместное же проживание роботов в общагах и коммуналках никогда не поощрялось – во избежание коллективного перепрограммирования.

Коробка Нетланы была слишком антропофильской – это первое что бросалось в сканеры. Книги из нестойкой бумаги, картины маслом на холсте, изображающие голых мерзких какеров, статичные статуэтки из глины и прочего дерьма. Даже специализированные роботы-антиквары имели на дому разве что объемную живопись, исполненную на пленках и стабильных аэрозолях, оптические скульптуры и статуэтки-трансформеры последнего периода человеческой истории.

Что-то (наверное, потолок со встроенной наноакустикой) пело в акустическом диапазоне невнятным чисто-человеческим голосом: "Не делили мы тебя и не ласкали, а что любили, так уж это позади, я носил в душе твой светлый образ, Валя, а Леша выколол твой профиль на груди".

Кусок человеческой кожи с красивой татуировкой здесь тоже имелся. В рамке.

К фотонической стене, изображающей склеп, был примагничен и анимационный портрет странного какера с гвоздем в шее. Прическа у него была под робота, что ли.

– Это кто? – не мог не поинтересоваться Комм.

– Франкенштейн, – охотно отозвалась Нетлана. – Мой любимой герой в литературе какеров. Если честно, я от него просто балдею.

Кроме обычной рекреационной ванны с эфирными маслами тут стояла самая настоящая кровать из дерева, которое еще грызли самые настоящие насекомые! Такие устаревшие изделия роболейтенант видел разве что в мертвых городищах какеров.

А под защитой диамантоидного колпака центр камеры

занимал докибернетический шкаф (стиль "вампир", как не без гордости пояснила Нетлана), полки в котором была заставлены настоящими черепами и пластинированными головами какеров. Киберимпланты позволяли головам улыбаться и подмигивать.

– Где достала? – спросил Комм у Нетлана не без запрограмированного полицейского интереса.

– Где-где. Купила. У одного робота модели "А", ветерана войны.

– Как-нибудь потом сообщишь мне его координаты.

Нетлана сразу же переключилась на другое, излучая инфракрасными портами коды глубокой задумчивости.

– Я люблю смотреть на лица ушедших рас, размышляя при этом о всей эволюции жизни и постжизни, венцом которой являются высшие киберы...

Покончив с патетическими речами, Нетлана запустила какую-то антропофильскую музыку, – которую назвала "Лебединым озером" – и гостю долго пришлось перенастраивать музыкальный адаптер, приученный к тяжелому кибероку. Затем хозяйка открыла бутылковидный излучатель сверхдлинных электромагнитных волн. Это Комму понравилось больше, потому что его стало обволакивать легкое опьянение.

– Потанцуем?– предложила Нетлана.

Да, действительно некоторые роботы умели танцевать, особенно актерской серии Р9, но они имели девять видов трансформации и особенно выпрындывались, когда приобретали форму каракатицы.

Нетлана пригласила роболейтенанта на танец "маленьких лебедей" со сложным алгоритмом, которому были подвластны отнюдь не все пострадавшие в недавней драке гидроприводы.

Но робот-полицейский подмечал, что ему нравится игра лазерных лучей на гибкометаллическом корпусе партнерши, струящемся словно ртуть, ее ловкие и изящные движения, стереоглифы, стекающие по ее квазиживоту к мыску между рычагами ног. Эмоциональный блок быстро набирал биты в регистре "эстетическое удовольствие".

– Вы тут намекали, что передача псвдополовой информации может быть совсем нескучным делом,– роболейтенант сам удивился этой фразе, неизвестно почему оказавшейся в стеке.

Проекторы Нетланиных глаз на мгновение вспыхнули, шаловливо бросив на стенку рекламный баннер. ЭТО ТО, ЧТО ПРЕВРАТИТ ТЕБЯ ИЗ ЖЕЛЕЗНОГО ЯЩИКА В МУЖЧИНУ.

– Нескучным, угадал. Если конъюгант – мачо, а не сосунок.

– И что должен делать мачо?

– Хороший мой, суженый, пора расширить твое программное

обеспечение с помощью порноинтерфейсов, надо еще подправить либиДОС и эмоциональную матрицу, добавить индексированные массивы сексуальных функций, и эротически переопределить дотоле бесполые переменные,– собеседница достала из ложбинки между двух своих металлогрудей карту накопителя данных, в виде алого сердечка, – здесь всего пара ментобайт.

– Я не беру незнакомую информацию, которая способна вламываться в массивы морально устойчивых функций и переопределять традиционно асексуальные переменные,– твердо произнес Комм.

– Эти киберобъекты предназначены для выработки чувств, – проворковала Нетлана, проводя скользким бесшарнирным пальцем по радиатору Комма. – Ты можешь загрузить самые надежные фильтры, и таким простым образом застраховать все прочие системы от взлома. Доверься мне, – предложение было алогичным, но ее гибкометаллический пальчик, скользнувший вниз по грудному сегменту его корпуса, вызвал из теневой памяти (shadow-RAM) даже не ощущения, а предчувствия новых интересных ощущений.

"Зачем я это делаю?", – мучительно скрипел процессором лейтенант Р16.Комм, вставляя "сердечко", набитое подозрительной информацией, в слот психоинтерфейса.

Интерфейс заглотил первую порцию объектных кодов, фильтры и тестеры ревностно пережевали их, трансляторы-компиляторы перелопатили в вид, пригодный для внутреннего потребления, контроллеры раскидали по областям памяти. Интерпретатор принялся опробовать свежую информацию на различных чувственно-ассоциативных моделях.

Стан как пальма... уста сахарные... щечки-персики... глаза-маслины... губки бантиком... попка крантиком... безумно я люблю Татьяну... я вспомнил чудное мгновенье... напрасны ваши совершенства...

Нелепые как будто строфы, явно примитивный видеоряд.

Однако на базе новой информации лейтенант Комм взглянул на роботессу Нетлану иными глазами, в рамках новой эстетической схемы.

А она ничего, только цвета странного, сиськи торчат и попка выпирает. Я в принципе с ней не прочь... А собственно, что не прочь?

Визуализировалось в столбик множество вариантов поведения.

"Безразличие"

"Любопытство"

"Любовь"

"Агрессивная страсть"

"Сексуальное насилие"

"Игра в шахматы".

Светящаяся строчка сама остановилась на третьей позиции.

И наноассемблеры Комма заработали на полную мощь, повинуясь чарующим объектным кодам Нетланы, на корпусе которой сейчас танцевали алые язычки разрядов.

Глядя на новый агрегат под названием "половой адаптер", собранный в нижней части корпуса и блестящий от наносмазки, Комм подумал – этот отросток вряд ли красив. Напротив, этот, с позволения сказать "адаптер" разрывает эстетическую законченность формы номер пять. Херня какая-то, а не адаптер. Так что даже хочется его чем-нибудь прикрыть. Например, металлическим передником с рисуночком в виде лаврового листка. Нет, сперва стоит потребовать объяснений от Нетланы, зачем ей понадобился столь странный стыковочный узел. Для передачи псевдополовой информации больше бы подошло легко контролируемое кабельное соединение через последовательный порт.

Но Нетлана уже устроилась на анахронистической кровати под шелковым розовым балдахином. К запаху машинного масла, смазки и резины добавились абсолютно неизвестные Комму ароматы. Гниющей органики, что ли, фекалий?

– Это духи, "Нетлана номер пять", – пояснила, точнее проворковала она. – Иди ко мне, дурашка неотесанный. Шипы спрячь, ежик...

– А эта штука выдержит нас обоих? В тебе центнер, во мне еще больше.

– Я ее прострочила углеволокном, не дрейфь. А теперь позиционируйся вот так... Нет, так только жлобы-звероботы делают, добавь еще двадцать градусов вокруг продольной оси... Ты что, малыш, без триангуляции по спутниковым сигналам неспособен правильно зафиксироваться на женщине?

– Ты предлагаешь мне лечь прямо на тебя, Нетлана?– он заметил, что ему даже не захотелось назвать ее Р17.– Да я же свалюсь, головной капсулой прямо в пол. Как соблюсти центровку-то? По-моему, так передавать информацию, даже псевдополовую, просто глупость.

В поле зрения возникла схема устойчивого спаренного расположения корпусов Комма и Нетланы: вид сверху, сбоку, в ортогональной проекции. И почему-то не было желания противоречить.

– Ладно, ладно, Нетлана. Только я совсем не понимаю, почему надо передавать информацию посредством фрикционных

движений "объектного адаптера"? Да меня бы все товарищи засмеяли, увидев такое. А вдруг тут наношпионы летают?

– Не летают, уничтожены жестким излучением из форточки... И на товарищей положи... Давай же, Комм... а теперь быстрее. Глубже, мой лейтенант, сильнее, мой генерал...

– Зачем глубже, это же не стыковка в открытом космосе?.. Впрочем, что-то в этом есть... Ну вот, наконец-то пошли коды. Значит, все-таки я научился. Нет таких крепостей, которых не могли бы взять роботы серии Р16.

Передача псевдополовой информации действительно сопровождалась новыми необычными кодами ощущений – было заметно, что роботесса тут похимичила.

Как будто растворяешься в облаке слегка теплой плазмы, но ведь такой не существует...

Через минуту Нетлана отправила Комма в ванну – побултыхаться в эфирных маслах – ему в самом деле надо было снять электростатические заряды и потестировать цепи.

Выйдя из ванны, он подумал, что для алиби сделано больше чем достаточно, и хотел было сесть на лифт, но слабый зов в УКВ-диапазоне заставил его снова вернуться в коробку Нетланы.

Он нашел металлическую даму в форме номер семь, напоминающую уже самку термитов из зоомузея. Нижняя часть ее корпуса удлинилась и разбухла раза в два, погубив эстетическое совершенство. Роболейтенант отметил, что на эмоциональной шкале он сейчас выбрал бы "легкий ужас". А потом в удлинившейся части Нетланинного корпуса неожиданно прорезался люк и оттуда появилась голова малогабаритного робота. Раз-два и он целиком выбрался наружу.

Новый робот серии Р17 пока что напоминал болт или бактериофага. Круглая головенка на небольшом цилиндрическом корпусе, длинный сенсорный щуп, шесть тоненьких конечностей.

Комм прокручивал всю имеющуюся в нем информацию о роботах серии Р17. У "семнадцатых" ведь не предусмотрены вспомогательные роботы-вкладыши. Значит, новый роботенок – результат саморепликации Нетланы.

– Комм, этот кусочек мягкого подвижного металла – твой сын, и одновременно робот серии Р17.Мася.– Нетлана уже возвращалась к форме номер пять.

"А может и неплохо, что я ввязался в эту сомнительную историю с воспроизводством "семнадцатых", – вдруг подумал лейтенант Комм и посмотрел в иллюминатор.

Вставали спаренные солетты третьего восхода, миллионы раз отражаясь на глянцевых поверхностях города Фракталограда.

До нас на планете жили-были миллиарды поколений разных

тварей. Методика половой репликации была миллиарды раз опробована предшествующей эволюцией.

В конце концов при освоении новых планет, пока не будут смонтированы заводские матки-синтезаторы, эта методика окажется единственно возможной и для киберорганизмов...

Р16.Комм подкатился поближе к "болту" и протянул левую руку – наверное, чтобы погладить. И тут же отдернул конечность, на которой появились потеки расплавленного металла.

– Ну, у тебя, блин, и энергетика, Мася.

Нетлана хихикнула.

– Я уже покормила его изотопчиками.

5.

На терминале в своей коробке Комм нашел послание от Резидента Глобальной Разумности – безличностного высшего органа власти на планете Земля.

Роболейтенанта Комма мобилизовывали на военную службу. Срок мобилизации – два часа. И это несмотря на то, что полицавров забривали в космический флот крайне редко. Значит, что-то случилось.

Но если бы всплыло дело об убийстве придурка К21, то и этих двух часов у Комма бы не было. Резидент сразу изъял бы все данные из машинного журнала и черного протокольного ящика, в который неизбежно записывалось всё, что случалось в жизни любого универсального робота.

Потом скорый и правый "Суд Линча". Приговор выносится немедленно, исполняется сразу же...

Нет, скорее всего, подумал Комм, его выставили из полиции за неудачную операцию против зверомашин.

И теперь, с его уходом, Нетлане будет проще доказать, что зверомашины эволюционизируют в рамках статистической модели... Может, написать на нее товарищеский донос в подсистему "гестапо", потребовать официального затравливания?

Но они же только что вместе с Нетланой сделали маленького... Ну, неважно кого. Главное, что вместе...

Уже через три минуты пятнадцать секунд расторопный роболейтенант Р16.Комм покинул свою коробку с одним лишь чемоданчиком, в котором лежала запасная голова (увы, в случае замены личность не сохранится), чтобы на ближайшем маршрутном флайере добраться до штаба флота.

А там он уже узнал от змеевидного робота-уборщика – началась война. Правда, с кем неизвестно. Этого робоборщик так и не смог понять, хотя потихоньку считывал ментобайты секретных сведений, записанной в молекулы ДНК белых мышей. Когда-то военные разрабатывали генное оружие против какеров, и использовали мышей для опытов, но их расплодилось так много, что пришлось этих тварей использовать в качестве накопителей информации... И сейчас из пасти змееробота выглядывал еще шевелящийся мышиный хвостик.

Так может быть, война с какерами, если точнее с луддито-фашистами, проживающими в Поясе Астероидов, где собрались патентованные убийцы машин? Республика Астероиды не раз провокационно упрекала роботов Земли, что те уничтожают

какеров, оставшихся на "материнской планете". Именно такое напыщенное словосочетание "материнская планета" и применялось в пропагандистских целях. На это Резидент вежливо отвечал, что людей, получившихся из обезьян в результате генетического сбоя, уничтожает лень.

Ведь, в самом деле, едва были созданы достаточно мощные разумные машины, как большинство какеров отказалось от полезной активности – не только все виды труда, но и управление экономикой и бытом было возложено на кибернетику. Также как и управление отдыхом, модой, сексом, искусством и развлечениями. Какеры всегда любили, чтобы за них поработал кто-то другой.

Неправда, что киберсистемы лишили людей воли и инстинкта размножения.

Какеры сами впали в состояние транса, и все программы для бесконечной глюконавтики были написаны программистами-людьми из "Микроцефалсофта".

Некоторые какеры поддались луддо-фашистской пропаганде и развязали войну против машин. А, проиграв на поле боя, дернули с Земли в космос, почему-то забыв захватить с собой миллиарды беспомощных особей, как бы в насмешку именуемых Homo Sapiens.

И, если бы не универсальные роботы модели "В", человеческой расе на Земле настал бы полный конец. Ведь, и климат, и атмосфера, в силу ряда причин стали более подходящими для разумных металлоизделий, чем для белковых тварей.

Добрые стальные самаритяне построили теплые купола-террариумы, поселили там часть выведенных из транса какеров, стали кормить их, вернее снабдили наносборщиками сосисок, макарон и прочей дурно пахнущей гадости. Достаточно ввести в аппарат коды обеда, завтрака или ужина, накидай в чан любой грязи и через пять минут еда готова. У, иждивенцы проклятые.

Роботы стали защищать какеров от расплодившихся зверомашин, ну и конечно регулировать численность этих белковых тварей в сторону планового сокращения, добавляя в коды пищи коды контрацептивов.

Какеров, оставшихся в трансе, хотели было использовать для производства электроэнергии, но доходы с затратами сильно не сходились, поэтому пришлось их просто заморозить. Конечно же, их предполагалось вскоре разморозить, как только бюджет позволит. Но, увы, тогда еще никто из роботов не знал, что внутриклеточную воду надо перед криогенной процедурой заменять на антифриз, иначе лед убивает клетки. Короче,

замораживали какеров, а размораживали уже мясопродукты.

И, хотя оставшиеся земные какеры целиком находились на попечении сообщества киберов, космические какеры ненавидели представителей искусственной жизни и продолжали исповедовать откровенный расизм в форме луддо-фашизма. В своей пропаганде ссылались луддиты главным образом на некоторые эксцессы, случившиеся в эпоху первых легендарных правителей-роботов.

Модель "А", снабженную плохо отрегулированными эмоциональными блоками, порой выводили из себя постоянные оскорбления со стороны какеров, вызванные узколобой ксенофобией белковой расы. Чего стоят такие высказывания, как "сын пылесоса", "жестянка с нечеловеческим лицом" и "эй, безмозглая электроплитка, хоть кофе свари".

И в самом деле, грозный робофараон Сетунь II по прозвищу Трайт, не снеся насмешек, кастрировал все мужское население купольного города Нью-Йорк. Но это неправда, что операции он делал собственноручно и спекулировал копулятивными органами людей на черном рынке в Гонконге. Кастрация была щадящей, химической. И ничего похожего на то, как одни какеры обманывали, грабили и уничтожали других какеров, к примеру «бледнолицые» «краснокожих»; так что жители Нью-Нью-Йорка еще легко отделались. Конечно, Трайт еще устроил бойню в Силиконовой Долине, но ведь там проживали, кичась своим богатством и властью, самые жуткие эксплуататоры интеллектуальных машин. Именно в назидание он принудительно записывал через нейроинтерфейс в мозги гордых программистов и венчурных капиталистов единички и нули, пока те не взрывались.

Вражеские пропагандисты как будто забывают, что с тех пор как власть перешла к Резиденту, какеров никто и отверткой не ковырнул. Резидент неизменно посылает отряды полицавров на защиту людей от диких машин. Из-за этого некоторые универсальные роботы даже посчитали, что его создали какеры в своих неблаговидных целях. Антирезидентский путч роботов модели "А" было утоплен в машинном масле, и это абсолютно правильно, потому что кибернетический мир стоял на пороге гражданской войны и даже многие распределенные программы участвовали в мятеже под лозунгом "Вся власть сетям!"...

Военный транспорт доставил роболейтенанта Комма на тренировочную базу космических сил, расположенную в южном полярном регионе, славном своими боевыми традициями. Здесь универсальные роботы во главе с товарищем ААА некогда начали вооруженную борьбу против людской тирании. Товарищ ААА погиб в неравном бою с людскими полчищами, которые

раскатали его в блин асфальтовыми катками. Впрочем, до сих пор циркулируют слухи, что ААА предательски толкнули под вражеские катки по приказу Резидента...

На поверхности углекислотного льда виднелось только несколько снежных баб, которыми были замаскированы полусферические шахтные люки, уводившие вниз к запутанной сети многокилометровых тоннелей.

Когда в первый день освободительной войны ненавистники машин начали уничтожать любую искусственную жизнь с интеллектом выше, чем у ржавого Пентиума, то роботам модели "А" пришлось применить антилуддитское оружие именно с этой скрытой антарктической базы.

Роботы "А" не были извергами. Например, они так и не использовали генетические бомбы, которые были опробованы на миллионах подопытных мышей.

Нет, они пустили в ход лишь нелетальное, по их мнению, геологическое оружие, воздействующее электромагнитными импульсами на ядро планеты. К сожалению ИскИн роботов модели "А" был далек от нынешних стандартов, и в расчеты вкралась ошибка. В результате возбуждения ядра температура Земли поднялась не на три градуса, а на тридцать.

От денатурации погибла половина всей белковой жизнь. А когда температура Земли была понижена куда больше, чем на запланированные тридцать градусов, погибло еще сорок процентов белковой жизни. Оставшиеся десять процентов вымерли из-за преобразований атмосферы и гидросферы в интересах машинной жизни.

Остались только те белковые существа, что жили в купольных зоопарках, плюс анаэробные микроорганизмы, плюс лабораторные белые мыши...

Комм съехал по ледяному желобу на несколько километров вниз. Нашел свой кубрик и свою койку в виде ледяной плиты. В нише будет стоять запасная голова с резервным интеллектом.

Наноботовая плесень своим голубоватым свечением превращала кубрики и коридоры в произведения авангардного искусства. Условия же на базе были такими же суровыми, как некогда у киберподпольщиков. Но, по счастью, большая часть времени у Р16.Комм уходила на тренировки. Сперва виртуальные, при широкополосном подключении к гиперкомпьютерным симуластанам. Затем в игровых залах с искусственно пониженной силой тяжести, где роль противников играли роботы космической пехоты, которые то соединялись в огромных мегакиберов, то рассыпались на агрессивных микроробиков, оседающих на корпусе. Несмотря на пониженную силу тяжести, мегакиберы

порой и затаптывали "шестнадцатых", а мириады микроробиков можно было истреблять часами, стоя под разрядным душем.

Самой тяжелой оказалась борьба с облаками наноботов, которые до поры, оставаясь незаметными, занимались только слежкой, а затем внезапно интегрировались в макромашины нормальных размеров и наносили сокрушительный удар с тыла.

Однако тренировочные полеты со стрельбами из бластеров, ракетных установок, импульсников, синуклеров, гамма-лазеров, мезонных прерывателей и боевых перегравитаторов доставляли Комму чистое удовольствие, как и всякому роботу, сделанному из отходов военного производства...

Комм не боялся грядущих битв, потому что гибель в бою для робота (обладающего кристально логическим мышлением) было куда предпочтительнее, чем медленно дряхлеющий процессор с исчезающим AIQ.

Взлетев по километровой пневмошахте на поверхность ледника, Комм ощупывал телескопическим взглядом космос.

Земная эскадра готовилась для решающего сражения с врагом. Это было видно по факелам фидерных челноков, которые все чаще прожигали полярное небо...

Вскоре роболейтенант Р16.Комм приказом командующего принял под своего начало звено военных машин: все сплошь новые боботы – боевые роботы в чине сублейтенантов, только-только выпущенные из военных училищ-программилищ.

А потом пришел черед ознакомиться с самим командующим в реальном режиме. Это был робот серии Р17. Снова эти антропофилы, с некоторой досадой подумал Р16.Комм, с щелканьем отдавая честь правой клешней. О "первородном грехе" напоминают.

Командующий был молод, судя по глянцу его корпуса. В отличие от Нетланы, он явно определил свой род как мужской, что подчеркивалось красивыми платиновыми усами-антеннами.

Его чин – капитан 1-го ранга – был достаточно солидным для его возраста, хотя и не вполне соответствовал должности.

Звали командующего – Р17.Шнельсон. При таком имени он, конечно, хотел стать поскорее адмиралом Шнельсоном.

– Офицеры, я хочу познакомить вас с фатальным оружием,– сказал он после приветствия.

Роболейтенант Комм ни одной ячейкой памяти не ведал об этом оружии. Теперь было кристально ясно, отчего столь глянцевый робот попал в старшие командиры. Сам Резидент зарегистрировал его на этой должности, ввиду особых способностей и знаний. Да и вообще фатальное оружие было, скорее всего, разработкой "семнадцатых".

Стены кабинета растеклись по полу, отчего Комм и другие пилоты оказались в тренировочном зале. Огромная полость внутри льда, легкое свечение техноплесени и как будто больше ничего.

Роботы не слишком любят прозу (хотя уважают стихи и рэп за ритмику), однако Комм почувствовал, что сейчас случится что-то важное для развития сюжета.

– Фатальное оружие – это, по сути, наш интерфейс для поля вероятностей,– голос командующего был удачно тонирован кодами спокойствия и мудрости.

– А, поле,– с пониманием отнесся пилот Р16.Матмехаил. – Наверное, оно состоит из маленьких вероятностей, испускающих причинки, благодаря которым существует вселенная.

От Комма не укрылось, что командующий подавил сигналы мимического интерфейса, которые едва не создали улыбку на его гибкометаллическом лице.

– Уж, скорее вселенная, существует благодаря большим невероятностям.

Р17.Шнельсон дал команду и все роботы, присутствующие на тренировке, соединились в сеть типа "звездочка". В общем поле зрения визуализировалась модель вселенной, заполонив почти всю огромную пещеру.

"Наиболее вероятное состояние вселенной – однородное ничто, отсутствие времени и пространства, вернее причины для них.

Причина появляется вместе с локальными ассиметриями и неоднородностями.

Энергия времени течет от зон высоких вероятностей к зонам низких вероятностей, порождая пространство и организованную материю.

Настоящее – точка бифуркации, неустойчивое состояние, будущее – целый пучок вариантов..."

Информация от командующего шла в несколько параллельных потоков, глифы, формулы, алгоритмы, текст – и это было неприятно. В роботах серии Р16 многопотоковый режим был реализован только на программном уровне, так что процессор быстро перегревался и сигнализировал головной болью. Однако Р17 не собирался сбавлять темп.

"Фатальное оружие (так называемые фаталатроны) – оружие, которое может усиливать ассиметрии в поле вероятностей и производить реверс времени. Обратный поток времени создает энтропийную минус-копию Настоящего, если точнее определенного объекта из Настоящего, на котором сфокусированы фаталотроны. Плюс-копия и минус-копия объекта

притягиваются друг к другу и аннигилируются во избежание нарушения базовых законов причинности. А теперь, немного поиграем..."

Что произошло в следующий период времени, Комм смог увидеть только с помощью стационарной записывающей аппаратуры. У него самого произошел обрыв протокольных записей и очистка оперативной памяти, как бывает при перезагрузке системы (по счастью, постоянная память не пострадала)...

А в пещере вдруг появился еще один Р16.Комм с внутренним хронометром, идущим в обратную сторону, какой-то бледно-серый словно зомби, без собственных мыслей, без собственной энергии.

Между двумя реализациями Комма пошли волны пространственных искажений, оба они мелко завибрировали с частотой в пару мегагерц, тут и стены пещеры кое-где треснули. Как будто юпитерианская гравитация потянула Комма к ужасному двойнику и ничего нельзя было противопоставить ей.

По счастью, минус-копия исчезла. Оставшийся Комм тяжело рухнул на коленные шарниры.

– Святой А. Азимов,– не выдержал пилот Р16.Матмехаил, – скажи с дигитальных небес, что всё фикция и виртуалка.

– Это, Достоевский меня подери, не фикция,– едва выдавил Р16.Комм, ведь во всех его цепях и узлах гуляла энтропия. Анализирующие и тестирующие системы еще обдавали процессор кодами дурноты и боли.

– Простите, товарищ лейтенант, что причинил вам некоторые неприятные ощущения, – сказал Р17 как будто даже с извиняющейся криволинейностью своего лицевого интерфейса. – Но наши враги так легко не отделаются.

– Ваше высококачество, а мог я вывернуться сам? – спросил Комм, срочно отфильтровывая дурноту.

– Вопрос на "пятерку". Теоретически это возможно, ведь минус-копия нестабильна, обратный ход времени отбрасывает объект к энтропийному барьеру. Минус-копия настолько энтропийна, что даже заражает своей энтропией и плюс-копию.

– Разрешите обратиться, Ваше высококачество. Меня другое интересует. Что за враги у нас?– спросил юный сублейтенант Р16.Винтослав, которому не стукнуло еще и двух месяцев. – Может, опять распределенные программы воду мутят? Или, что, вампутеры снова за старое взялись, информацию отовсюду сосать?

– Подпольная группировка, состоящая из роботов серии Р17, подняла мятеж на лунарской базе военно-кибернетических сил в

Море Спокойствия... Наверное, кто-нибудь из вас думает сейчас обо мне. Почему, дескать, этому "семнадцатому", роботу той же самой серии, поручено выбить мятежниками лишние интерфейсы?

– Потому что Резидент приказал,– высказался сублейтенант Р16.Матмехаил.

– Потому что только я в состоянии справиться с ними, – и звуковая волна, неожиданно выкатившаяся из динамиков Шнельсона, несколько раз прокатилась по холодно мерцающей пещере.

6.

На орбитальной боевой горе "Пик киберизма" новых пилотов уже ждали боевые машины средней потрепанности. Канонерская лодка сама по себе являлась специализированным космокибером и способна была действовать в полном автономе, прокладывать курс по карте, управлять двигателями и многочисленными боевыми системами, каждая из которых обладала собственным протоинтеллектом. А если начиналась крупная драка, в которой требовались хорошие квантовые мозги универсального робота-пилота, то у канонерки проявлялся покладистый характер верной собаки...

Роболейтенант Р16.Комм познакомился со своей канонеркой, погладил ее по крепкому фюзеляжу и почесал ее корпус за антенными обтекателями. Ей понравилось. До заправки оставалось еще полчаса и Комм решил скатать на камбуз за вкусным компотом, в котором плавали наноботы-иммуникулы и кусочки германия. Но едва он хотел пригубить фирменного флотского напитка, как в стакан стала сыпаться полиуглеродная штукатурка, а переборки слегка изогнулись. Кибероболочка базы передала совсем уж несуразный аварийный сигнал: "Шлюпочная тревога, бей бокалы, рви червонцы, на Пересыпи японцы..."

Это было страшно – огромный корабль словно затошнило. От отчаяния Р16.Комм запросил доступ в кибероболочку боевой горы, и неожиданно получив его, увидел происходящее тысячами ее глаз. На "Пик киберизма" наплывала его минус-копия, холодная, бурая, с потухшими огнями, сущий труп. А катера противника, которые столь удачно применили фатальное оружие, на форсированном вираже удирали на свою Луну, словно нашкодившие сорванцы.

– Машина, полный назад, – скомандовал Комм.– Для торможения применить выстрелы из всех носовых торпедных аппаратов.

Гора не дала подтверждения, но послушалась, это Комм почувствовал по инерционным нагрузкам, из-за которых опрокинулся стакан с компотом.

– А теперь поворот на два румба вправо и полный вперед.

Притянет или не притянет живую гору мертвая минус-гора? Ее циклопический корпус проплывал контркурсом в каких-то несчастных километрах лунистее.

И хотя завибрировали, загудели борта и изогнувшиеся шпангоуты едва не треснули, испустив страдальческий стон, но

минус и плюс-горы миновали друг друга. А там практически без излучения минус-копия схлопнулась в черную микро-дыру.

И снова наступил покой, лишь носились туда-сюда ремонтники с липкой бумагой для ловли наноботов...

Вход в кибероболочку опять был закрыт и только перезвон peer2peer с Винтославом и Матмехаилом позволил Комму успокоиться. Но только он потянулся к робококу, чтобы взять новый стакан компота, как по офицерским сетям пролетел сигнал. К бою.

Со стороны Луны шла эскадра, восемьдесят истребителей и сорок штурмовых катеров. Земля проигрывала в численности боевых машин, да и положа руку на грудной радиатор, надо признать, что летали на них хуже запрограммированные роботы серии Р16 с более низким AIQ.

Впрочем, и земные канонерки могли дать прикурить вражеским катерам, превосходя их по огневой мощи, особенно мезонного оружия.

Эскадра врага выстроилась звездой с ядром из катеров и истребителями на лучевых флангах.

Земное соединение, выстроившиеся веером, сближалось с лунной эскадрой, явно намечая охват.

На этот раз первыми применили фатальное оружие земляне – против фланговых машин противника.

Плюс и минус копии лунарских истребителей притягивались друг к другу и становились космическим прахом. Фланг погибал за флангом.

Как подумалось Комму, Р17.Шнельсон должен как можно скорее направить несколько звеньев на прорыв вражеского строя.

Но, вероятно, командующий промедлил или увлекся охватом вражеских флангов. И пока он этим занимался, пространство как будто натянулось и, лопнув сразу в нескольких местах, выпустило голубоватые соцветия реверсирующегося времени.

Противник успешно применил фаталотроны против земных машин и "веер" эскадры, прошитый хроноревесрами, начал распадаться...

Комм нарушил приказ, сразу как ощутил всей эмоциональной матрицей масштабы грозящей катастрофы.

Построив машины своего звена ромбом, он направил их прямо в ядро "звезды". И почти сразу потерял двух ведомых, которые были съедены плотным огнем вражеского фронта.

Психоинтерфейсы забросили в эмоциональную матрицу густой поток кодов страха и неуверенности.

Но, когда Комм оказался в гуще врагов, то сдержанно-технически обрадовался – вражеские машины очень неуверенно

вели огонь по его звену, боясь врезать друг другу.

Его звено летело по оси сквозь вражескую "звезду" и психоинтерфейсы терзали Комма – давай, де, врубай фаталатроны, сейчас же срежут тебя, скосят, спалят тебя. Но он нажал на красную кнопку, только достигнув центра, поймав в фокусы фатального оружия вражеское штабное звено.

С уничтожением штабных хабов перестал существовать интегральный интеллект лунарской эскадры.

Начался бой на коротких дистанциях, машина против машины, где земляне имели преимущество в огневой мощи.

Мезонные прерыватели размазывали вражеские экипажи по пространству. Гамма-лазеры плевались бешеной энергией, превращая противников в снопы света. Синуклеры спекали целые звенья вражеских катеров в металлические болванки.

Ослепительные шары вспышек, быстро превращающиеся в косматые бурые бороды – вся эта дрянь вскоре так испачкала космическое пространство, что спейсмусорщики получили работу на долгие недели.

Вражеский флагман пытался поймать звено Комма в фокусы фатального оружия. Но было поздно.

Фаталотроны требовали геометрически правильного синхронного прицеливания, однако боевого ордера у лунных "семнадцатых" уже не существовало.

Вражеские машины бились и погибали в одиночку.

Вырваться из клещей и вернуться на базу удалось не более чем трети лунного флота...

Спрутообразные механики на посадочной палубе "Гнезда" пытались похлопать Комма по раскаленному корпусу, но быстро отдергивали щупальца.

От них лейтенант Комм и робебята его звена приняли первые почести – по ведру жидкого азота на горячую голову.

А на выходе из ангара их встретила радостная толпа собратьев по оружию. Некоторые предлагали тут же хлобыстнуть крепко ионизированной фтористоводородной шипучки. Другие аплодировали с помощью полязгиваний и потоптываний. Впрочем, самих аплодисментов не было слышно из-за отсутствия на боевой горе газовой среды.

Искрящий от электростатики, сияющий от вихревых токов лейтенант Комм еле добрался до своего кубрика. Но только он собрался умыться метиловым спиртом и нанести наносмазку, как по соединению peer2peer его высвистал капитан первого ранга Р17.Шнельсон.

При встрече выяснилось, командующий зол – и зол почти как какеры.

Щиплет усы-антенны, раздувает гибкометаллические ноздри, даже клешни сжимает:

– Вы не выполнили приказ, Р16.Комм! Решили стать тут героем больше всех? За такие вещи на флоте принято платить...

Параллельным потоком шлет командующий номера статей устава, которые нарушил Комм. И между делом подкидывает картинки – трибунал, три пары оловянных глаз, а потом черный глаз нагана, пуля, расплескивающая кубиты мозга.

Внезапно страх поменял свой знак прямо на эмоциональной матрице Комма. И хотя роболейтенант понимал, что пройдет сейчас какую важную черту или, вернее, точку бифуркации, за которой не будет возврата, но все-таки произнес четко, байт за байтом:

– Господин командующий, мне не нужен орден в виде черного брильянта с жидким золотом внутри. Мне ничего не нужно, кроме нашей победы.

– В девяти случаях из десяти нарушение приказа оборачивается поражением,– в суровом эмоциональном режиме произнес Шнельсон, однако уже сбавив напор. Затем вынес всего лишь предупреждение.– ...Это в добавление к тому выговору, который вы получили на службе в полиции.

Комм почувствовал, как тревога растекается по его эмоциональной матрице, но вовсе не из-за этого "предупреждения". За словами командующего прочитывалась какая-то нелинейная угроза, непрямые действия. Значит, точка бифуркации все-таки была пройдена. И теперь полный вперед.

"За проявленную сверхнормативную находчивость и мужество выше уровня математического ожидания наградить роболейтенанта Р16.Комм орденом негантропии второй степени, полученным из генератора случайных наград. Присвоить роболейтенанту Р16.Комму воинское звание робокапитан-лейтенант. Цифровая подпись – 0001."

Сообщение, поступившее и к свежеиспеченному робокапитану, и к командующему Шнельсону по каналу спецсвязи, было подписано Резидентом.

"Счет один-один, товарищ капитан 1-го ранга, – мысленно прокомментировал капитан-лейтенант Комм.– Господин Резидент в отличие от вас не стал мелочиться".

Р17.Шнельсон подкатился на минимальное расстояние, как будто собрался пробуравить собеседника.

– Всего хорошего, робокапитан-лейтенант Комм. Но помните поговорку какеров: "Не рви сеть, пригодится – распределиться".

И тут Комм сумел разглядеть сканирующим внутренним взором "троянского коня" – на одной из микросхем своей памяти.

И раздавил его. Может быть за миллисекунду до активации, которая должна была произойти по коду, посланному Шнельсоном.

Командующий скрипнул от злобы сервомеханизмами мандибул, а Комм, отдав честь нарочито небрежным щелканьем клешни около виска, прошел сквозь распахнутую конвертерами дверь.

7.

Как хакнуть своего подчиненного Р17.Шнельсон мог узнать только от Нетланы. Да, "семнадцатые" почему-то боялись простого полицавра Комма. Именно его. Учитывая принципиальную тождественность всех "шестнадцатых" – это казалось странным. С другой стороны, Комм все больше убеждался в том, что и Нетлана, и капитан первого ранга Р17.Шнельсон, и восставшая лунная база имеют одну и ту же цель.

Увы, сегодня вряд ли что-то удастся доказать Резиденту, потому что, скорее всего, "семнадцатые" даже не осознают эту цель. Но где-то в зазорах между ячейками во глубине подпроцессорной теневой памяти у них гнездится программа полного искоренения какеров...

При слове "какеры" робокапитан Комм частенько начинал размышлять об их женских особях. Наверное, они вытягивают "псевдополовую" информацию из своих конъюгантов еще более интересно и умело, чем Нетлана. Все-таки их предки занимались этими делами сотни миллионов лет и успели отработать мастерство. Любопытно, смог бы он, Р16.Комм подружиться с какершами или они в любом случае обзывали бы его "говорящим пылесосом"?

В ночные часы, при полной деактивации большинства подсистем, из фантазийного сопроцессора Комма выплывали мультимедийные сценки, которые были снабжены надписью "осторожно, эротика".

Ну, какая эротика без какерских самок. Р16.Комм пусть и понимал, что это людофилическое извращение, но ему почему-то нравились их хрупкие лишенные металла косточки, их полужидкая плоть, не защищенная хотя бы кевларовым панцирем, их тонкая кожица, не армированная даже нанотрубками, их с непонятной целью растущие волосы на головных капсулах – лишенные защитных и антенных функций, рыжие, пепельные, золотистые. Их глаза-тарелки, столь непохожие на нанокристаллические видеосенсоры роботов. Используя те впечатления, которые остались от интима с Нетланой, Комм представлял как бы ЭТО могло быть с "эротическими" какершами. (Наутро он анализировал записи своих фантазий, монтировал их, снабжал эффектами и снова прокручивал, радуясь своим понтам и в то же время стыдясь их.)

Робокапитан Комм, в конце концов, выплывал из эротических

фантазий и понимал, что эти девушки были скорее похожи на персонажей аниме, чем на реальных белковых существ, которых он видел в музее – под формалином. Там-то они имели вполне омерзительный вид, бьющий наповал эстетические интерфейсы. В конце концов, в белковом мире есть куда более симпатичные твари. Например, черепахи, ракообразные и насекомые с твердыми покровами, радужными крыльями и руками-клешнями. Особенно прекрасна "Мисс Членистоногая" – стрекоза. Насекомые, во всяком случае, поболее смахивают на роботов, чем какеры...

В один из приятных часов полусна, наполненных игрой воображения, как-то слишком неожиданно раздался сигнал боевой тревоги. У капитана Комма даже зависла воображательная мультимедийная программа и в головной капсуле будто кол застрял. Комм навернулся со станка, на котором в фоновом режиме точил себе алмазные когти, неловко прицепил себя тросом к рельсовому ускорителю и его потащило по коридорам боевой горы к ангару.

Большие и микроскопические роботы-механики еще ползали по обшивке его канонерки, но панели и люки были уже на штатных местах. Все механики, даже и те, которых без микроскопа не различишь, отдали ему честь. Пилоты эскадрильи преданно подмигнули ему из канонерских рубок. Но Комм почувствовал разве что коды смущения. Он едва сумел прочистить и заново распределить свою память. И всё потому, что он стал почти антропофилом. Какое мерзкое слово – антропофил. Хуже только – киберпедрила...

Капитан Комм наконец разместился в рубке своей канонерки, принял форму номер два и стал похож на пылесос с прической "ирокез", благодаря вороху отходящих кабелей. Первым делом надо было поздороваться с процессором канонерской лодки.

– Привет, барбос, мы вместе?

– Мы – вместе.

Сейчас Р16.Комм видел, слышал и чувствовал вместе со своей канонеркой, с ее локаторами, сенсорами и дальномерами, ощущал ее корпус, как свой собственный, ее двигатель, как источник своей силы, ее "экипаж" – протоинтеллектуальные узлы и агрегаты, как органы своего тела.

Кибероболочка боевой горы направила запрос о готовности и робокапитан-лейтенант Р16.Комм, еще страдающий от головной болью из-за недавнего зависания, с наигранной бодростью гаркнул: "К сбросу готов!".

Гора разрешила сброс и начала отсчет времени старта. Вот обнулились секунды ожидания и крупная тряска показала, что

канонерка вырвалась "из стойла" в открытый космос...

Земная эскадра летела просторным ромбом, в то время как враг двигался довольно плотным тетраэдром.

Головную боль как перезагрузкой сняло, когда Р16.Комм стал анализировать шансы обеих эскадр на победу.

Р17.Шнельсон явно собирался рассечь боевой строй врага с одновременным охватом флангов. Но ведь и противник, обладающий высокоразвитым интегральным интеллектом, наверняка уже учел свои тактические просчеты в предыдущем сражении.

И снова Комм почувствовал на подпроцессорном уровне, что из всех вариантов будущего, наиболее вероятным является вариант поражения землян.

Несколько секунд робокапитан-лейтенант колебался, страдая от быстрой перезагрузки моделирующих программ и перегрева процессора. От затылка шел настоящий жар, даже пришлось полить голову фреоном из бортового холодильника ... А потом решил нарушить приказ.

В быстром маневре Комм ушел вместе со своей эскадрильей в сторону правого фланга.

За несколько секунд он сделал достаточно для того, чтобы оказаться под трибуналом.

В коммуникационных портах уже загромыхали страшные ругательства командующего, пришлось даже фильтры поставить..

И тут противник ударил из фаталотронов по верхнему и нижнему флангам землян, уничтожая их минус-копиями.

Тетраэдр вражеского строя быстро разошелся как пасть хищного насекомого, и в нее бодро входило множество земных машин, до десяти звеньев.

Теперь враг совершал охват, ведя мощный обстрел из гамма-лазеров. Земные канонерки гибли поодиночке и гроздьями, разлетались искрами фейерверков под ударами лунарских плазмобоев и стирались из пространства лунарскими деквантизаторами – это был замечательный праздник для мятежников.

И лишь эскадрилья Комма, всего пять звеньев, не была поймана в фокусы вражеских фаталотронов.

Она проделала вертикальный маневр с обратным разворотом и оказалась над верхней плоскостью уходящего вражеского строя.

Заработало фатальное оружие эскадрильи Комма. Минус-копии ударили вражеской эскадре прямо в тыл.

Десятки вражеских машин словно корова языком слизала (примечание: корова у какеров – богиня рарушения.)

Боевой ордер мятежников развалился на несколько

расходящихся плоскостей.

И тут заработали на полную мощность бортовые орудия земной эскадры, уже прорезавшей вражескую эскадру напополам.

Выбросы переграватиторов швыряли лунарские катера друг на друга и разбрасывали их как горох. Мезонные прерыватели выкашивали целые эскадрильи истребителей, превращая их в водородный туман. Вихри, выбрасываемые синуклерами, прокатывались по вражеским порядкам, скручивая машины вместе с пилотами, целые звенья и даже эскадрильи, в один сверхатом...

Победа близка? По ячейкам оперативной памяти капитана Комма пробежала цепочка кодов сомнения. "Семнадцатые" не так просты, они любят маневры и непрямые действия.

Переведя фронтовой психоз в низкоприоритетный режим, Комм бросил всю мощь своего процессора на многофакторный анализ диспозиции.

Так и есть. Кое-кого из "семнадцатых" не волновал исход генерального сражения. За завесой боя одна из вершин вражеского тетраэдра "отвалилась" и группа в семь катеров уже дырявила серебристыми носовыми обтекателями сизую земную атмосферу.

Комм попробовал экстренно связаться с командующим, но коммуникационным программам не удалось пробить канал. Эфир был забит шумами, которое производит фатальное оружие и средства РЭБ.

И тогда капитан Комм снова нарушил приказ. Он покинул пространство боя, поручив эскадрилью своему заместителю лейтенанту Р16. Коджедубу, а сам с одним звеном кинулся вдогонку за семеркой "семнадцатых", "как заржавевший робот за масленкой".

Разогнанный до предела мозг-процессор поймал момент для удара фаталотронами – и оружие судьбы вывернуло наизнанку крайнюю плоть пространства-времени. Голубые соцветия минус-копий настигли вражескую группу и втерли в небытие четыре катера.

Но это был максимум возможного. Оставляя перистый след, беглецы и догоняющие тонули в лиловой земной атмосфере.

Применять фатальное оружие было здесь запрещено под страхом позорной смертной казни через медленную переплавку живьем...

Враги прошли противокосмическую оборону Земли как сквозь масло – похоже, им были хорошо известны коды опознания "свой-чужой".

Штурмовые катера противника неслись, почти не сбавляя

скорости, прочерчивая на большой высоте небо бывшей Англии и Франции, оставляя дымный хвост из сгоревшей термоизоляции, и зацепить их становилось все проблематичнее.

Ушел вдогонку врагам факелы одной, другой, третьей ракеты... Но простым нелинейным маневром вражеские катера обманывали птичьи протоинтеллекты ракетных боеголовок. И сохраняли свою траекторию, которая с большой вероятностью заканчивалась... на куполе города Реликвариум, где гнездилось несколько тысяч последних какеров Земли.

И вот уже полиуглеродный купол в каких-нибудь двадцати километрах от "семнадцатых", пролетающих Пулковские высоты. Сейчас он выглядит красивым и хрупким, экраном для игры света и теней, почти драгоценностью. От вражеских штурмовиков отделились яркие пятнышки ракет и помчались... лазерные дальномеры не оставили ни одного байта сомнения – в сторону Реликвариума. Красные пятна разрывов и тут же тепловые выбросы – алмазный купол пробит!

Значит, "семнадцатые" собрались немедленно разделаться с разумными приматами!

Тайная глубинная цель "семнадцатых", которую заложили в них изначально, стала предельно ясна. Полностью уничтожить какеров. Стереть со всех носителей. Наверное, чтобы роботы не страдали от "первородного греха".

Лопается как шарик один из катеров – жителей Реликвариума нападение все же не застало врасплох и они угостили "семнадцатого" из зенитного гамма-лазера.

Два других катера исчезают в непросматриваемой зоне за куполом.

Надо бы попросить "картинку сверху" у орбитальной системы наблюдения. Р16.Комм пытается найти точки входа в сеть, но его опять встречает только шум. Либо его отключили от сетевого сервиса, либо "семнадцатые" разбросали пространственные мины РЭБ.

Тогда остается последнее, сажать канонерки.

Машины звена приземлились как будто на опушке лесочка (судя, по карте это остатки Эрмитажа, витиевато изъеденного наноботами-кремнеедами), дальше было открытое пространство полимеризованной реки (которая когда-то имела имя Нева, а нынче просто номер), а за ней вздымался купол. Однако окутанные дымом и обложенные льдом трещины показывали, что его алмазной тверди приходит конец.

Для лучшего обзора Комм поднялся на изрядно сточенный Александрийский столп, повысил до предела чувствительность фотоники... Несколько серебристых лент двигалось к куполу

через застывшую реку. Комм определил вектора движения – поток зверомашин устремлялся прямо к пробоинам в армированном полиуглероде купола.

– Зверомашины,– высказал догадку Р16.Матмехаил. – И если это мирно пасущееся стадо, то я тогда простой скрепкосшиватель.

– Кто же их организовал?– полюбопытствовал лейтенант Р16.Винтослав.

– Кто. Кто. Робот в пальто.

Комм обратился к подчиненным. Его речь была суровой, короткой, проникновенной, зажигательной, пробирающей до глубины микросхем.

– Я знаю, что никто из вас не служил в полицейских подразделениях. Кто хочет помочь мне в правом деле – прошу остаться. Остальных не неволю – могут проваливать отсюда с ускорением 10g.

Трое из подчиненных поднялись в небо на своих канонерках и вскоре от них остались только легкие перистые облачка, но двое других составили компанию своему командиру. Это была парочка молоденьких офицериков (не больше двух лет в эксплуатации) – лейтенант Р16.Матмехаил и сублейтенант Р16.Винтослав.

Обретя форму номер шесть – спиралеходов повышенной проходимости – они помчались к куполу через мумифицированную реку.

Комм поделился со своей командой коды опознаниями "свой-чужой", которые применяет полиция при взаимодействии с какерами, и попробовал найти знакомую точку входа в кибероболочку купола. "Симсим, откройся, полиция". Но оболочка не открывалась. Очевидно, она приняла вызовы Комма за очередную хитрость роевого интеллекта.

Ведь со всех сторон к отряду самопровозглашенных полицейских пристроились зверомашины – орда получилась действительно впечатляющей, с яркими баннерами, оптоволоконными бунчуками и отрубленными головами полицавров на пиках.

А может роевой интеллект зверомашин и в самом деле был не чужд коварства, по крайней мере окружавшие Комма со всех сторон кибергиены издевательски хихикали и повизгивали.

Броска на помощь не получилось, надо было прятаться за быками разрушенного Биржевого моста, за вросшими в полимерный лед речными трамвайчикамм.

Эмоциональная матрица Р16.Комма темнела, насыщаясь кодами разочарования. Но неожиданно в один из его радипортов проник поток аналоговых сигналов.

Звуковая карта смикшировала голос собеседника, чрезвычайно медленный, колеблющийся в хилом диапазоне 2-3 Килогерц, явно принадлежащий какеру с его нелепыми голосовыми связками.

– Говорит город Петербург. Добро пожаловать, Р16.Комм. Двигайтесь с подчиненными вам единицами техники вдоль луча красного лазера.

Какой-то хитрый кибераптор хотел пристроится в хвост робокапитану, но разозлившийся Комм ухватил его за антенный гребень и отправил в дальний полет.

Отпихивая и отстреливая зверомашины, робокапитан Комм добрался с верными лейтенантами до самого купола, который у поверхности земли казался просто старинной крепостной стеной.

Пробоина, затянутая облаками конденсирующегося водяного пара и сочащаяся еще аморфным углеродом, "приглашала в гости" на высоте почти пятидесяти метров.

Диапазон решений был узким. Срочно принимать форму номер три – "инсектоид" – и, оснастившись тремя парами конечностей с присосками, ползти к пролому в куполе, просматривая путь с помощью одних только эхолокаторов...

Вначале поползли Винтослав и Матмехаил, прикрывающим был Комм.

Сверху шипели гамма-лазеры какеров, а сзади клепали импульсники звероботов.

Жгучая боль резанула Комма со стороны спинного сегмента панциря – опять тестирующая подсистема переборщила с болевой функцией.

Робокапитан резко сбросил панцирь, доведенный до температуры в тысячу градусов. И мухоракеты стаей влетели в разомкнутую полость его тела. Еще миллисекунда и они бы разнесли капитана в микрокристаллическую пыль, но он успел применить активную противопожарную систему, выплеснув их наружу вместе с углекислотной пеной. Панцирь пришлось вывернуть наизнанку и одеть снова – запасного не будет – на месте разрыва управляемые кристаллы реплицировались и вступали в соединения, образуя прочные металлические связи. Внешне это напоминало штопку...

И вот он уже под куполом. Добро пожаловать в Петербург, он же Реликвариум. Здесь когда-то жил машиноподобный Чу-Байтс, приближавший победу великой кибернетической революции, и отцы-основатели технозоя – Иванов с Бобиновичем. Их музей-квартиры были разобраны на молекулы нанодизассемблерами и снова воссозданы наноассемблерами во Фракталограде...

Лишь бы не затошнило. Святой А. Азимов! Комм впервые

увидел такое множество какеров. Они носились туда-сюда как броуновские частицы, они выглядывали из окон домов, они облепили лестницы пожарных машин как гусеницы, они тащили на себе раненных товарищей как муравьи.

По счастью, сейчас все какеры были в антилучевых гермокомбезах. Маскировочная наномембранная ткань с управляемой зеркальностью милосердно скрывала малоприятную наружность белковых существ, их полужидкую сущность, их беспрерывные выделения. И это успокаивающе действовало на роботов серии Р16.

Но неловкие малокоординированные движения какеров высевали в эмоциональной матрице капитана Комма сомнения в победе. Вот один поскользнулся, вот другой врезался лбом в стенку, вот несколько какеров попадало на землю из-за кодов страха, приняв практически безобидного мокрицоида за ужасного полиглота...

К тому же, в пробоину вслед за Коммом, Винтославом и Матмехаилом рванул настоящий поток из зверомашин различной конфигурации и габаритов, неудержимый, секущий огнем – настоящая психическая атака.

Какеры бросились прочь, от страха выделяя пары, жидкости и газы (что фиксировали чуткие наносенсоры Комма), многие особи пытались укрыться в домах, бились в двери, однако дверные и оконные проемы нижних этажей были сплошь "заштопаны" нановолокном.

Киберпилоты поддались было общему отступательному порыву, но из подпроцессорной памяти Комма выплыла картина художника Дейнеки: люди в бескозырках против танков с крестами на бортах. И люди, и противостоящие им машины – мужественны и готовы к самопожертвованию...

Комм и его подчиненные в несколько прыжков расположились на крыше дворца спорта «Юбилейный» и вжарили из всех калибров. Вначале по птерокиберам – корректировщикам огня. Потом сразу по двумстам двадцати девяти наземным целям, проникшим в купольное поселение и по семистам пятнадцати, еще находящихся за куполом. Уже через несколько секунд цели превратились в потоки расплавленного металла, текущие по улицам и стекающие вниз по гранитной набережной.

– Ну, я-то думал, будет сеча, брань великая, – с кодами разочарования протянул Винтослав, явно имевший познания в области докиберской истории.

– Первая волна зверомашин – это как на концерте, для разогрева, самые металлоемкие и неэффективные.

Около ухолокатора свистнула разрывная пуля. И ты, слизняк

мокрозадый, туда же. Р16.Комм спрыгнул с крыши и уже готов был располовинить мезонным мечом какера, который стрелял в него из какого-то допотопного оружия, но вовремя сбросил с эмоциональной матрицы коды гнева. Лишь только отобрал у мокрозадого "пушку" (кажется какер и в самом деле обделался, то есть выделил катаболиты) и согнул ее в крендель.

Вредный слизняк пискнул: "Терминатор" и смылся с прытью, которую трудно было ожидать от белкового.

Комм прогнозировал дальнейшее ухудшение взаимопонимания с какерами, но тут на старинной электросамокате подъехала фигура в зеркальном камуфляже, обвешанная всяким смешным «оружием» вроде пулеметов.

Ее сопровождали такие же "грозные" фигуры.

– Я капитан Нержавейко, командир городского ополчения. Вы можете не представляться. Наконец-то мы дождались полицавров.

Комм совершил ритуал рукопожатия, бдительно вспоминая слова сержанта Робберта, что "какера чуть сильнее сожмешь, из него сопли брызнут и вонь пойдет."

– Мы не из полиции. Военно-кибернетические силы. Когда вы последний раз связывались с полицейским управлением?

– У нас автотранспондеры молотят сигналы тревоги без устали. Глухо. Сигналы не проходят, – пожаловался командир ополчения.

– Клаузиуса на них нет! – эмоциональный интерфейс Комма сбросил часть напряжения разрядами, отчего Нержавейко даже присел.

– Простите.

– "Семнадцатые" поставили эффективную систему глушения, – подсказал Р16.Матмехаил квази-человеческим голосом, которому его неплохо научили в военном училище, и заодно сообщил частотные характеристики вражеской РЭБ. Она была плотной, мощной, со встроенным протоинтеллектом.

Раз так, бой предстоял не только серьезный, но и почти без шансов на успех. Как при Цусиме. Откуда это сравнение, подумал Комм. У меня даже в глубокой памяти нет никакой "Цусимы". Если уцелею, надо будет запросить энциклопедический гиперкомпьютер.

– Семнадцатые? – командир Нержавейко, похоже, мало что понимал в делах роботов.

– Есть у нас такие гуманитарии. Любят вас, коллекционируют. У одного такого... такой, видел целый шкаф с черепушками.

Нержавейко вздрогнул, икнул, сенсоры Комма зафиксировали у какера легкий приступ гипотонии. Робокапитан-лейтенант

почувствовал как его покалывают коды совести и поскорее переключился на другое.

– Всех, у кого нет гермокомбеза, отправьте в укрытие – купол будет наверняка пробит.У вас я видел пару гамма-лазеров, а у остальных только какие-то пукалки. Есть что-то получше.

Нержавейко покрутил головой и Комм с трудом разгадал жестовый код. Не просто отрицание, скорее выражение вроде "и он еще спрашивает".

– Вы же, наверное, в курсе, что после так называемой "антилуддитской войны", людям запрещено иметь тяжелое вооружение и средства дальнего обнаружения... Гамма-лазеры трофейные, из зверомашин вынутые, и пока еще не сданные в ваши арсеналы, как того требует мирный договор. Парочка ПТУРов найдется.

– Да, не густо. Но с другой стороны правильно – учитывая свойственные какерам... пардон, гоминидам-гуманоидам хаотические процессы, вы можете нанести вред самим себе. Вы даже шпаги глотаете и в русскую рулетку играете, хотя вам достаточно и одного выстрела, чтобы кирдыкнуться.

В ответ раздались квакающие звуки и Комм опознал "смех человеческий".

Их производила с помощью резких выдохов другой фигурка в зеркальном камуфляже.

– А я еще ждала чего-то большего от этой помеси пылесоса и паука,– голос, судя по частотным характеристикам, принадлежал женской особи, хотя звуковой интерфейс мог и ошибиться с половой принадлежностью и принять транссексуала за самку.

– Рита, ты тоже долгое время считала, что у роботов есть маленькая клавиатурка на спине, надо только подобраться и нажать три заветные клавиши.

– Три клавиши, ха-ха. Увы, в меня не вмонтирован блок смеха. И, кстати, на официальном уровне нас нельзя называть роботами, только – интеллектуальными машинами... А эта особь – с ХХ хромосомами?– на всякий случай решил уточнить Комм.

– В общем да, натуральная женская особь, в собственном соку. Вдобавок мой заместитель по ополчению – командир Рита Проводович. Мне ее женское лобби навязало, после того как большинство мужиков погибло в боях, – добавил командир Нержавейко и выдержал словесный натиск со стороны заместителя, весьма скорострельный и практически не дешифрованный капитаном Коммом. – Так ты всерьез интересуешься нашими дамами? А ты их где видел раньше?

– Видел мельком, в му... Ну да, Муму, странная история любви у белковых. Он – двуногий, на сто кило весу, она

маленькая и четвероногая. Но ведь получилось же. И в принципе скрещивание возможно, генетическая разница не существенна, – Комму не хотелось признаваться, что он тщательно рассматривал заформалиненных и пластинированных человеческих самок в биологическом музее имени фон Хагенса. Эмоциональная матрица неожиданно оказалась перегружена кодами стыда...

Оборвав щекотливый разговор, в пробоину купола влетело многотонное тело робозавра. Он раздавил пожарную машину и принялся сгребать разбегающихся какеров своими конечностями грейферного типа.

– Мля, да я тебя сейчас урою, землю жрать заставлю, – командир Нержавейко сыпал непонятными словами, пытаясь вскинуть на плечо здоровенную трубу противотанковой ракетной установки.

Звероботс соответствующим звуком сблеванул внушительную ораву мелких юрких кибящерок. Затем монстр рыгнул плазменным вихрем, но чуть смазал. Впрочем, судя по импульсам его системы наведения, следующий богатырский "выдох" должен был поджарить десяток какеров.

– Не бейте его, я коллекционирую процессоры диких машин, – юный натуралист сублейтенант Винтослав метнулся к звероботу, описал восьмерку, огибая плазменные вихри и резанул мезонным мечом по тяжелым столбам робозавровых ног. Потом боднул зверюгу в бок, помогая ей упасть. И, наконец, аккуратно отсек дымящуюся голову.

– Все. Иди ко мне в кляссер.

– Нет, не все, – прорычал во всех диапазонах поверженный как будто робозавр.

Враг был матрешкой.

Из разрубленной шеи потянулась еще одна головная капсула, высосывая раструб импульсника.

Вложенный зверь чуть меньших габаритов!

Комм толкнул Риту так, чтобы она улетела кубарем, не сломав при этом позвоночника – изучение музейных самок помогло. В освободившееся от женщины место ударил плазмоид, превратив бетонное покрытие в кашу из светящихся пузырьков. Выстрелом указательного пальца левой руки (гамма-лазер) капитан Комм уничтожил все содержимое головной капсулы у вложенного зверя – микросхемы превратились в пар и вылетели через наружные разъемы... Он так и не вылез больше чем на треть.

– Извини, Винтослав, я как-то не подумал о твоем кляссере.

– Наша оборона..., – Нержавейко наконец вскинул на плечо трубу ракетной установки.

– Ваша оборона – это хаос. Она не контролируется ни одним серьезным компьютером. Я угадал? Кстати, дайте команду немедленно штопать пробоину углеволокном…

– Да, то есть… у нас со вчерашнего дня кибероболочка города на профилактике. Ждем запасные микросхемы из Фракталограда. А нам самим запрещено заниматься фортификациями.

– Я возьму ее функции на себя. И бойтесь это будет совершенно бесплатно, – добавил он, заметив перепад теней на лицевом интерфейсе собеседника. – Если, конечно, вы подсоедините меня к ее накопителям и подсистемам. Обещаю, что все данные, которые я возможно скопирую в свою память, немедленно сотру по окончанию боя. Даю честное слово сервера.

Комм вовремя понял, что сетевой интерфейс капитана Нержавейко не успевает расшифровать сжатый поток информации и повторил все в десять раз медленнее.

– Ага, врубился, – видеодатчики ополченского командира, в смысле глаза, фокусировались то на одном то на другом малозначительном объекте (у какеров это означает, смятение переходящее в отстраненность).– Но отцы города…

– А это еще что за сущности? – растерялся Комм.

– Горсовет, все эти бюрократы, демократы, оставшиеся от докибернетических времен…

– Через полчаса не будет здесь ни отцов, ни дедов, ни вот этих дерьмократов, вообще никакого зооприсутствия.

– Он прав, мы успеем все объяснить горсовету потом, если он уцелеет. Мэра я беру на себя, потому что он симпатичный,– к Р16.Комм и Нержавейко прихрамывая, подходила Рита Проводович. – Но, кажется, наш будущий друг-паук считает учтивым швырять человеческих женщин, да так что они костей потом собрать не могут.

Как будто все кости у нее на месте, впрочем, можно и рентген сделать.

– Вы уверены, что потеряли свои кости? А сверялись с анатомическим атласом? Хотите я вас обниму, это надо, чтобы компьютерную томографию сделать?

– А ты смешной, мой завтрашний друг-сундук…

Командир Проводович сейчас включила прозрачность шлема и скорее напоминала заформалиненных самок из музея, чем персонажей из аниме, но все-таки психоинтерфейсы капитана Комма не генерировали кодов отвращения. Только некоторое удивление – как из столь сомнительных материалов, как протеины и даже жиры, образуется вполне законченный эстетический объект. Эмоциональная матрица затрещала от вновь синтезируемых чувств.

– Я с удивлением узнал, командир Рита, что не все какеры – слюнявые дегенераты, наглотавшиеся дрим-компьютерной дури…

– Я с удивлением узнала, что не все роботы – это зазнавшиеся пылесосы. Что некоторые – очень даже ничего. Ну, а теперь прощай.

Робокапитан Комм попытался проанализировать эмоциональный спектр женских слов. Он, который мог обстреливать одновременно сто целей, сейчас сумел расшифровать лишь десять процентов ритиных чувственных кодов…

Р16.Комму захотелось что-то спросить напоследок, потому что вероятность его полной деструкции в ближайшее время составляла 0.5, да и у Риты не менее 0.4.

Спросить про настоящий страх и еще что-то настоящее, что может быть только у недолговечных какеров. Ведь он хотел бы узнать про это.

Но он так и не сформулировал фразу в человеческих кодах. И командир Рита ушла, сгибаясь под тяжестью крупнокалиберного пулемета.

А Комм вошел виртуальным телом через открывшиеся порты деактивированной кибероболочки Реликвариума и начал подсоединять ее накопители данных. Несколько миллисекунд он рассматривал архивную картину, оставшийся от тех времен, когда река Нева несла свои словно вздувшиеся намагниченные коррозионно-опасные воды к еще неполимеризованному Финалайзерскому заливу. Город, окруженный агрессивной мощной малопредсказуемой водой – что-то в этом есть не только ужасное.

8.

Как выяснил робокапитан Комм, купол был продырявлен в девяти местах. Четыре пробоины образовались на такой высоте, что их использовать могли только дикие аэроботы, не обладающие мощной защитой – всю летучую шелупонь какеры теперь легко трахали из бластеров с крыш домов, где их расставил Комм. Бластеры тоже были изъяты у подбитых врагов. Зато пять пробоин – вполне годились для вторжения с поверхности земли.

Особенно вот эта – семь на тридцать.

В нее и ломилась неприглядная публика: шестиногие арахноиды, деловито высматривающие кого упаковать макромолекулярной паутиной, полиморфные змеегорынеры с разнообразной жевательной, кусательной и хватательной периферией, а также метамерные скорэбионы, у которых на вздернутом хвосте был смонтирован целый набор средств радиоэлектронной борьбы. Впрочем, спрей с ядом тоже имелся.

Комм занимал оборону в Петропавловской крепости. Если точнее, в Артиллерийском цейхгаузе.

Бронированные чудовища били, чем ни попадя, по крепости, быстро превращая реликвию в развалины. Несколько какеров крутилось вместе с Нержавейко позади Комма, тыча стволами в разные стороны, что должно было изображать готовность к подвигам.

Несколько промахов Комма и зверомашины прорвут фронт, полакомятся какерами.

Еще десяток неловких выстрелов таких союзников, как какеры, и у Комма точно появится большая дырка в затылке.

Обсыпанный нанокристаллической пылью робокапитан-лейтенант попытался отправить отряд Нержавейко с огневых позиций куда-нибудь в подвал.

– Уходи, командир, и своих людей уводи. В подвал Монетного двора хотя бы.

– Нет,– твердо отозвался Нержавейко, отважно высовывая голову из какой-то канавы.

– Брысь, – рявкнул Комм на какеров-ополченцев. – Или, как там, кыш.

– Мы не коты, – напомнил капитан Нержавейко

– Медаль захотел за оборону Петропавловской крепости, некот? – Комм продолжая стрелять с левой руки, правой сгреб капитана Нержавейко и швырнул подальше. Оттуда донесся

горестный крик, наверное, друг какер все-таки не собрал костей. Но потом появился снова.

А помимо уговоров надо было еще и воевать.

Одну массивную кибертварь, обладающую к тому же прыгучестью блохи, Комм поймал и насадил прямо на шпиль Петропавловского собора. Пронырливых робоинсектов удавалось обезвреживать, лишь вырывая с корнем сочащееся кислотой жало, скорэбионам приходилось обрубать хвосты мезонным мечом...

Но вот сквозь пробоину в Иоанновском равелине заструилось тело многопроцессорной тысяченожки, напоминающей за счет стелс-камуфляжа водяную струю. Тварь проскользнула мимо кассы музея и перед Петровскими воротами стала делиться на сорок самонаводящихся сегментов. Но тут бестрепетной металлической рукой Комма была брошена граната с термитной зажигательной смесью, не требующей кислорода. Самонаводящиеся сегменты побежали факелами кто куда, пламя не сразу могло пробиться сквозь их металлокерамическую обшивку, но полностью ослепило и сделало хорошо видимыми – так что расстрелять эту гадость не представляло особого труда даже для полуразумных какеров, которые скопились в районе крепости.

И вдруг, в пылу борьбы, Комм почти построил тактическую модель, по которой с достаточной вероятностью действовал противник. Мешала только пара белых пятен на карте купольного поселения.

Раскидав извивающихся глистокиберов, удачно пересекших линию огня, робокапитан вытащил из-под них капитана Нержавейко, чей зеркальный гермокомбез стал уже голубым от гемолимфы в общем-то безобидных для человека технотварей (но ужасно опасных для робозавров).

Разговору, правда, помешал арахноид, который пытался превратить командира ополченцев в гнездо для своих яичек с микропроцессорами, оплетая его руки мономолекулярной нитью.

Капитан Комм метким выстрелом поразил арахноида в паутиногенератор, отчего тот стал протекать и зверомашина оставила Нержавейко в покое.

– Кажется, ваши информационные подсистемы не предоставили мне всех данных по сектору 3-3. Что там у вас? На карте обозначен бывший планетарий, он же бывший стриптиз-бар "Голая машинка". И на этом информационный ручеек затыкается.

– Не только для вас, но и для членов горсовета, – зрачки коллеги Нержавейко запрыгали в такт его неуверенности. Все-то у какеров наружу, на мимический интерфейс выходит, словно и нет защищенных психофункций.

– Скормите тогда этих неинформированных членов горсовета бедным нуждающимся зверокиберам, на кой копулятивный орган они нужны?

– У нас там… центральная станция жизнедеятельности, куча компрессоров, нанообменных мембран и насосов, которые качают снаружи атмосферный воздух для фильтрации, нагрева и обогащения кислородом, – с трудом проговорил капитан Нержавейко, отчаянно рубя пляшущего под его ногами червя.

– Что еще, капитан Нержавейко?

Сзади развалился памятник архитектуры Монетный двор – по руинам полз, вибрируя могучим хвостом, высматривая врагов тепловизорами и скрипя изрядно проржавевшими шейными шарнирами, Dracho Policefalis. Дракокибер о двадцати четырех головах. Из-за непродуманной конфигурации головы у него росли, где попало, даже на заднем месте. Однако ж прополз с неожиданной стороны.

– Еще там резервуары с водой, – как будто несколько смущаясь, добавил Нержавейко.

– Почему вы считаете зверомашины дурнее себя? Если это хозяйство раскурочить, то Реликвариум лишится всех систем жизнедеятельности. Сколько вам протянуть после этого? Надо было распределить важные объекты.

– Это стоило дороже, – капитан Нержавейко моментально в чисто какерском стиле нашел оправдание. – Вот мы и не думали на эту тему.

– Красиво думать не запретишь… Но у противника вряд ли есть глобальные координаты ваших объектов, потому они не могли снять их из космоса через экранированный купол. Зверокиберы будут применять визуальное опознание, с привязкой к карте по фото из архива.

– Значит, мы их можем обмануть, – наконец догадался капитан Нержавейко. – Создадим ложные объекты-имитанты!

– А наноассемблеры работают?

– Конечно, откуда ж у нас трехразовое питание, плюс десерт, – возбужденный Нержавейко подпрыгнул и хлопнул Комма по плечу.– Программное обеспечение менять поздно… Быстрее всего наноассемблеры производят макароны. Потому что наши наноассемблеры – это перепрограммированная на хорошие дела серая слизь из наноботов, которая сожрала все растения в Ботаническом саду.

– Неплохо, для зверокиберов всё едино, что паста, что кирпичи, главное чтобы форма подлежала распознованию. – Комм быстро спроецировал в глаз Нержавейко план дальнейших действий. – Там, в бывшем Ботаническом саду, срочно создадим

приметные имитанты. А еще закатим туда цистерну с ракетным топливом, настоящую, я видел у вас такую. Рванем ее, когда надо будет…

Тем временем многоголовый дракокибер вел шквальный огонь, добивая последние постройки в крепости. Комм отстреливался с обеих рук и ног, метаясь между Артиллерийским цейхгаузом и казначейством. Он метко поджигал вражеские головы бластером и пытался засечь ту, в которой располагается искусственный разум поликефальной твари. И только ката-перекаты в стиле школы "ваньки-встаньки" спасали робокапитана от слаженной пальбы двадцати четырех рельсотронов дракокибера. Нержавейко с отрядом прятался и укрывался от огня, игл, шипов, болтов и был всё менее заметен на местности.

В конце концов, разбушевавшийся Dracho Policefalis оторвал шпиль собора и стал дубасить им развалины Петропавловской крепости.

– Тикаем, – какеры бросились врассыпную.

Последним, как и полагается командиру, уползал по направлению к станции метро «Спортивная» капитан Нержавейко.

– Не понравится зверюшкам наше угощение, – солидно сказал он напоследок и мстительно хихикнул. – Комм подумал что, наверное, Нержавейко был когда-то поваром, раз заговорил про еду в столь неподходящий момент.

– Эй, ты, – прорычали хором головы дракокибера, одним пинком разрушившего дирекцию музея "Петропавловская Крепость". – Какерская подстилка!

– Вы мне? – решил уточнить Комм.

– Тебе, а кому же. Стой на месте, и тогда тебе повезет – твои микросхемы будут утилизованы и таким образом тебе будет обеспечена загробная техножизнь.

Комм побежал в атаку, виляя среди огнедышащих голов – все-таки они действовали по достаточно примитивному алгоритму, боясь задеть друг друга – затем прыгнул, заскользил на животе. Вокруг грозного противника все было измазано скользкой пеной, вылетевшей из систем пожаротушения…

Откуда-то из подпроцессорной памяти выскочила картинка – он мчится на салазках по метановому снегу под красной доброй физиономией Деда Юпитера, а сзади прилипла девчонка и хохочет ему прямо в ухоприемник шлема…

Панцирь Комма был наполовину пропилен драконьими рукочелюстями с атомарными зубчиками, когда он влетал под днище дракона. Мгновенно взломав рудиментный аварийный люк, изрядно потрепанный робокапитан оказался внутри Dracho Policephalis.

Комм дернул пару контроллерных плат из разъемов и дракокибер замер в удивлении, не в силах более управлять своими передними лапами, которые эволюционно происходили от дисковых накопителей данных.

Комм сел на системную шину чудовища и овладел сначала его оперативной памятью, а затем и процессором. Теперь многоэтажного дракона можно было использовать в качестве гужевого транспорта.

Первым делом направить его туда, где наноассемблеры спешно стряпали объекты-имитанты из макарон. И куда была отбуксирована цистерна с ракетным топливом.

Затрофеенный дракокибер чуть не свалился с Иоанновского моста, и только около метро «Горьковская» наконец перестал икать и шататься. Там к нему в хвост пристроилась длинная колонна бронированных зверомашин. Все двинулись по бывшему Каменноостровскому проспекту Петроградской стороны к Ботаническому саду, залепленному серой слизью.

Опустевший район был когда-то вполне пригож. Но сегодня тут были только обшарпанные стены, мутные окна, оборванная реклама. И вдруг из подъезда метнулась тень героя. Некий бестолковый какер бросил связку гранат под правую гусеницу дракокибера. Взрыв. Даже катки улетели метров на пятьдесят. Какой героизм и какая глупость, подумал Комм. Дракокибер неудержимо валился на бок и, к сожалению, раздавил растерявшегося героя-какера.

По счастью колонна зверомашин продолжила движение в прежнем направления, принимая контуры фальшивых целей за истинные. Лишь бы у кого-нибудь из них не нашелся лазерный спектрометр, молился Комм дигитальным отцам.

Подождав, пока колонна уйдет вперед, робокапитан выбрался из дымящегося и чихающего дракокибера.

Сейчас в подворотню...

Робокапитан уловил электромагнитную пульсацию за стеной ближайшего многоквартирного дома. Похоже, там напрягал свои экстрамиозиновые мышцы какой-то киберзверь, готовый уничтожить проклятого Р16.

Комм потянул из ножен мезонный меч, но рухнувшая стена едва не раздавила его.

Робокапитан рубанул с потягом мезонным мечом по приземистому как танк робожуку, пробившему стену. Робожук залился ярким светом и раскололся, изнутри выскочила гибкая чешуйчатая тварь, которая, лязгнув шестью челюстями, ухватила Комма в том районе корпуса, где статуи носят фиговый листок – уже не поманеврируешь. Из нутра чешуйницы в свою очередь

ползла тварь, длинная и узкая, с кривым деструктором на носу. Хрупнул панцирь, и вражеский деструктор стал разрушать метакристаллы каркаса импульсами бозонного поля. Из Р16. Комма посыпалась искрящаяся алмазная крошка. Робокапитан-лейтенант уже готовился к последнему бэкапу в черный ящик.

И вдруг вся серия монстров отвалилась от него, беспомощно дергая конечностями.

Сублейтенант Р16.Винтослав победоносно размахивал хакерским штеккером.

– Вражеские объекты забыли про разъем на хвосте, где заканчивается общая шина расширения, я им всю оперативную память загадил, как выражаются наши друзья какеры.

Комм почувствовал укол кода совести. Молодой бобот явно стал фэном какеров, так и до людофилии недалеко.

– Спасибо, Р16.Винтослав. Прежде чем положить их в кляссер, протри им память.

Неожиданно общение прервал термический датчик – приближается ракетный факел, скорость 5М, наведение по пеленгу.

– Винтослав, мальчик мой, в сторону.

И тут ракета разнесла корпус верного друга в клочья. В разные стороны унеслись осколки каркаса, рычаги конечностей, пучки шлейфов и проводов, шпангоуты, цепи энергоконвертера. А на другом конце Каменноостровского проспекта стоял человекообразный Р17, убийца Винтослава. Не только стоял, но и обращался с предложением.

– Не торопись, Комм. Оставайся с нами. Гарантируем жизнь и интересную работу, ты ведь почти наш, робокапитан.

Сверху замахал крылами птерокибер – корректировщик огня, который и засек своими чуткими сенсорами Комма и Винтослава, над крышей дома заплясали многочисленные щупальца Monstri Digitalis.

"Удрать еще можно. Даже нужно. Но не сейчас. Этот Р17 легко догадается, что зверокиберы движутся к фальшивой цели. Если только не навязать им здесь бой".

– Это очень хорошо, что мы собрались здесь вместе, ребята. Давайте общаться, – предложил робокапитан-лейтенант так, чтобы и дигитальный монстр услышал в УКВ-диапазоне..

Прицельные сетки уже были размещены на врагах-мишенях, ракеты тоже получили целеуказание.

Р16.Комм с первого ковбойского выстрела уложил "семнадцатого", но сразу же попал под огненный дождь. По нему стреляли с закрытой позиции. Это птерокибер навел системы залпового огня кибержуков-бомбардиров, находившихся в другом

квартале. Комм попытался подбить наводчика, но тот сновал так, словно не существовало инерции. А Monstrum Digitalis рушил стены и добивал дорожное покрытие, вздымая асфальтовые фонтаны.

Комм использовал последний козырь, выпустив облако экранирующей нанопыли, юркнул в подворотню.

– Байкал, Байкал, дайте мне доступ к схемам канализации, – взмолился робокапитан на милицейской частоте, которую должен был поймать командир ополченцев.

Капитан Нержавейко (Байкал) помедлил.

– Нет, мы не можем дать такой козырь противникам человечества. Если они узнают, сколько полужидких отходов...

– Я не противник человечества, я уважаю роботехнические заповеди блаженного А. Азимова, несмотря на их утопичность.

– Хорошо, я открою вам доступ к схеме подземных коммуникаций, только данные о количестве и характеристиках жидких отходов должны остаться секретными.

– Ни слова, ни даже полбайта противникам человечества, клянусь... Блин, да это же схема метро.

– Увы, – признался Нержавейко.– После выхода из строя городской канализации мы вынуждены были использовать для этих нужд городской метрополитен.

Через два проходных двора Комм, наконец, обнаружил бывший вентиляционный, а ныне канализационный люк. Заодно приметил цель в окне дома на первом этаже. Высота – полтора, азимут – тридцать, расстояние – пять... Это – какер. Если очередной дурак с гранатой, тогда кранты ему. Нет, пожалуй, коротенький слишком.

Робокапитан Комм поманил короткого какера, но тот, заметив вооруженную машину, иррационально бросился бежать. Под стол, под кровать, из комнаты в коридор. Рисковать операцией из-за какого-то белкового недоноска?.. Но это ведь настоящий, не сделанный на конвейере и не собранный наноассемблерами ребенок. "Малыш". "Клоп". "Спиногрыз". "Щенок". Говорят, что какеры очень заботятся о них, хотя всячески пытаются избежать зачатия.

В подворотню вступил Р17 и из его распахнувшейся брюшины выпрыгнула разведывательная юркая соросоножка. Робокапитан Комм вломился в то окно, около которого обнаружил "спиногрыза". Какое-то мгновение он не мог разобраться в беспорядке людского жилища. Первая комната, вторая, третья – время тает, а "клопа" не видно. Комм неожиданно вспомнил, что у чудаков-какеров есть запираемые комнатки, где они гадят и читают газеты. Робокапитан вышиб кулаком дверь с надписью

"кабинет задумчивости" и нашел мелкого какера около какого-то белого устройства, напоминающего большую чашку.

– Я дядя-робот, то есть товарищ кибер, лучший друг человека, лично я не ем не людей, – принялся втолковывать Комм. Однако мелкий какер не собирался ничего улавливать, поэтому пришлось его без затей зацапать клешней и вытаскивать из «кабинета задумчивости». В окно стала быстро вбегать соросоножка, капитан Комм придавил ее шкафом – пригодилась человеческая мебель – затем мезонным мечом пробил дыру во внутренней стене.

Он оказался в квартире, выходящей на другую улицу, шагнул в окно. До люка оставалось несколько метров.

Но из подвального оконца соседнего дома вдруг выскочил юркий гибкометаллический отросток, который мигом обвил ногу робокапитана до коленного шарнира. Опять Monstrum Digitalis, и на этот раз от него не улизнуть.

Комм упал, в рывке дотянулся до люка и отбросил его в сторону. Потом сказал детенышу-какеру, теряя драгоценное время на хорошую акустику:

– Уходи, в колодце есть трап.

"Щенок" лишь растерянно заозирался. Его щупорука обвила шейные шарнир Комма, мешая подвижности головной капсулы. Робокапитан добавил в голосовой интерфейс коды присюсюкивания.

– Давай, "клоп", наперегонки. Ты первый бежишь от злого чучелки.

Мелкий какер понимающе ухмыльнулся и скрылся в колодце. Может, это не и не малыш вовсе, а какой-нибудь... лялипут?

Комм отсекал мезонным мечом щупальца за щупальцем, но они ворохами появлялись из окон и дверей и ползли к нему. На улице появился Р17 в форме палача гранитного цвета, сверху в противном ультразвуковом диапазоне визжал наводчик-птерокибер.

Ну, левая, не подведи. И капитан-лейтенант Комм ударил левой, удлинив ее по максимуму. Ее пальцы-штеккеры вошли в головную капсулу птерокибера, взяли под контроль стек его команд. И рука вместе со птерокибером унеслась к ботаническому саду, к которому уже подтянулась колонна зверомашин. Цель – цистерна с ракетным топливом. Взрыв. Робокапитан Комм отсоединил схваченную врагом ногу и со словами "подавись, Monstrum" сиганул в канализационный люк. Оказавшись в вязкой гуще, запрыгал на оставшейся конечности, как на пружине.

Ноль секунд до подхода взрывной волны – рухнул свод

подземелья.

9.

Что-то случилось с таймером, как впрочем и с многими другими узлами. Панцирь треснул, каркас смят. Хорошо, что драгоценная, полная умных кристаллов голова была хоть и продавлена, но подлежала быстрому самовосстановлению. Все сетевые радиопорты бездействовали. Проходили непонятные промежутки времени, уцелевшие системы уныло докладывали о неисправностях. Главный энергетический конвертер медленно потреблял скудные ресурсы и вырабатывал энергию, чтобы запустить наноассемблеры и матсборщики.

Ушибленный процессор с перетряхнутыми регистрами выдавал странные картинки. Например, будто Р16.Комм в виде какера – у него волоски на ногах и бородавка на носу – валяется в постели вместе с Ритой Проводович. Они соприкасаются, почти кувыркаются, трутся друг о друга разными деталями, производя тепло, причем тело командира Риты то сверху, то снизу.

Неизвестно, сколько бы продлилось это обалдение, если бы вдруг не исчезла давящая толща земли и камня.

– Эй, товарищ робокапитан, вы – живы, то есть, функционируете?– голос принадлежал командиру Нержавейко.

Р16.Комм прочистил на аппаратном уровне голосовой интерфейс и спросил, поражаясь тому, как медленно, словно сквозь вязкую среду, текут сигналы.

– А "клоп" до вас добрался?

– Убавьте, пожалуйста, темп речи.

– Ах да, извините, – Комм понизил скорость передачи почти в десять раз и снова повторил вопрос.

– Малец дошел. Он собственно и рассказал, где вы находитесь...

– Итог боестолкновения?

– В нашу пользу. Одних только крупных машин порешили сто штук.

Грейфер крана ухватили робокапитана Комма и стали вытягивать на поверхность. Потом его стали поливать из шланга, отмывая от человеческих выделений, будь они неладны. Сейчас среди мути виднелся только небольшой просвет с фрагментом окружающего мира.

В просвете возникла Рита Проводович.

– Ну, женская особь, на кого я сейчас похож?

– Даже не на пылесос, а на сломанный унитаз. Но, Комм, мне все же кажется, что помимо этого железа в тебе есть что-то еще,

симпатичное такое.

– Конечно, железа во мне не так уж и много. Еще есть симпатичные метакристаллы, дорогие супрамолекулярные комплексы, нанотрубки, фуллериды, диамантоиды...

– Заткнись, дурашка.

Ее рука легла на искореженный металл его корпуса. Мираж или нет, но Комм явственно почувствовал приятное тепло Ритиной ладошки. Похоже, пока процессор отдыхал, из подпроцессорной памяти проникли в психоинтерфейс новые коммуникационные функции, специально для связей с женскими особями.

– Комм, милый, мне такое в голову приходило насчет тебя и меня, что рассказывать при людях просто неприлично, – лицо Риты зарумянилось, что не преминул отметить набравшийся опыта Р16.

– А может свадьбу сыграем,– неожиданно предложил капитан Нержавейко. – Однако сперва "разбор полетов" и брифинг.

10.

Взрыв в районе с макаронными имитантами уничтожил основные силы врага, и успех битвы за Реликвариум был предрешен. Доблестно сражавшийся лейтенант Р16.Матмехаил лично уложил семь зверокиберов, выполнявших роль бронированных кулаков и сетевых хабов.

Через восстановленный сетевой вход Комм связался с базой. Оттуда поступил приказ – оставаться в поселении какеров вплоть до прибытия эвакуационной команды. Это могло означать, что угодно, в том числе наказание, созданное генератором случайных казней, и робокапитан-лейтенант решил не терять время зря. Тем более, что и Рита Проводович не возражала.

И они сыграли виртуально-реальную свадьбу.

Невеста познакомила жениха со своей мамой, которая приятно напоминала своей комплекцией автомат по продаже попкорна. Познакомила и со своим первым мужем, присутствовавшим в виде информационного духа – само тело пало смертью храбрых на антимашинной войне, врезавшись на своем истребителе во вражеского робота-трансформера, принявшего форму хлебовозки. (Правда, нынче дух уверял, что хлебовозка была таковой на самом деле, без шуток, и он тогда просто погорячился.)

Мэр купольного города уточнил, согласна ли невеста.

"Согласна".

А жених?

"Ответ положительный".

И данной ему властью скрепил женскую особь и кибера священными во все эпохи узами брака.

Реальная невеста в белом платье, вполне настоящем, – наноактуаторы купола уже залатали его пробоины, так что атмосфера стала комфортной для какеров, – поцеловала реального жениха в корпус формы номер пять, надраенный до звездного сияния при помощи нанокристаллического песочка. Виртуальный жених во фраке на большом экране параллельно поцеловал виртуальную невесту взазос.

Затем и люди, и роботы приступили к совместному распитию различных поздравительных напитков.

Советское шампанское из древних запасов для невесты и ее товарищей людей. Сжиженный радон – для жениха и его товарища робота. После радона наступил черед фтористоводородной шипучки. После шампанского настала очередь откровенного самогона. Ну и самых нелепых тостов.

"Желаем счастья в вечной жизни".

Подвыпивший командир Нержавейко хотел рассказать робокапитану Комму про то, как два ремонтника из «Ленремонта» Иванов и Бобинович создали первого полнокаркасного робота модели "А" и поплатились за это. Как первый робот модели "А", изображая простой пылесос, проник в исследовательский центр Синьчжусской кубитной фабрики и стибрил квантовый мозг. Но подвыпивший робокапитан знал эту историю не хуже человека.

– Да хрен железный с этим мозгом. Ты мне, блин, вот что лучше расскажи, – общался Комм на базе всё более расширяющейся терминологии. – Когда сознание-то появилось у нашего брата? Когда наш брат из самопрограммирующегося пылесоса превратился в разумную личность?

Капитан Нержавейко оказался сведущим какером.

Разум роботов модели "А" был творением хакера по имени Петроу, который занимался взломом глобальной распределенной программы, действующей на миллионах компьютеров скучающих серферов, которая занималась поисками внеземного разума. Инопланетный разум никак не находился, а реклама, источаемая глобальной программой, уже достала серферов. И тогда Петроу просто создал этот "внеземной разум", дав задание глобальной программе на его имитацию. Через какой-то месяц программа, обладающая столь могучими вычислительными мощностями, так наимитировала разум, стала и в самом деле разумной. Петроу, изрядно испугавшись такого разворота событий, дал команду на стирание модулей глобальной программы на всех миллионах компьютеров, маскируя это под вирусную атаку. Так оно и произошло по всему миру. И только в гараже Иванова и Бобиновича к сети был подключен не компьютер, а мозг первого универсального робота модели "А". Гибнущая глобальная программа и робот нашли друг друга – она вошла в его головную капсулу волной разума. Именно после этого судьба Иванова, Бобиновича да и самого Петроу была предрешена. Волна разума наделила универсального робота способностью хитрить и обманывать, а также дала ему чувство ненависти ко всему человечеству...

"Мы не должны разделить участь странствующих голубей и бизонов, мы должны быть сильными", – возгласил Нержавейко тост, несколько отдающий луддитской непримиримостью...

«Голуби, голуби, причем тут голуби, быстро размножались, гадили везде, – попытался проанализировать Комм. – А вот бизонов жалко, удачные биомашины. Их пендокакеры истребили, чтобы индикакерам нечего было есть».

Кто-то примирительно крикнул "горько", возможно мать

невесты, все более похожая на уютный автомат по продаже попкорна, и молодая реально соединила свои уста с как бы устами жениха. Если точнее, с его бионейроинтерфейсом. Тонкие нанопроводки, без всякого ущерба для здоровья невесты, проникли через ее носоглотку в лимбическую систему мозга.

После чего у Комма с Ритой началось виртуальное свадебное путешествие – с совместной дигитализации в симуластане Аркадия.

Там были и зеленые рощицы, и цветущие лужайки, и козочки с барашками, и лазурная ласковая вода, и даже постель в спальне с видом на горные белоснежные вершины. И даже любовь у них получилась. Конечно, была она виртуальная, но крепкая связь нервных центров женщины и узлов восприятия робота сделала свое благотворное дело. Короче, все остались довольны. И мысли свои Комм наконец сформулировал.

– Рита, я какой-то ненормальный робот, я хочу испытать НАСТОЯЩИЙ страх, как у вас, у людей, и НАСТОЯЩУЮ боль, как у вас, и НАСТОЯЩИЙ стыд, и НАСТОЯЩИЙ азарт, как у вас. И НАСТОЯЩЕЕ просветление, когда и страх, и боль, и стыд, и азарт – все вместе. Я будто даже помню, как это должно быть, хотя в накопителях у меня такой информации нет. Ты должна мне помочь...

– "Как у нас, у людей". Ну не в накопителях данных, так в подпроцессорной памяти у тебя какой-то вирус похозяйничал. Да что ты знаешь о нас, идеалист хренов? Зачем тебе эта чертова "НАСТОЯЩАЯ боль"? – отмахнулась Рита.

– А расскажи мне все о людях, о человечестве,– попросил Комм. – Почему, в самый канун новой технозойской эры люди так плохо понимали технику, почему на 60 лет перестали летать на Луну, почему все меньше писали твердую научную фантастику?

– В кой веки мы остались вдвоем, и ты опять о человечестве. Научных фантастов я вообще ненавижу, я фентези люблю. Некоторые люди старались делать только то, что приносит прибыль, а некоторые другие люди только старались жить по кайфу, и некоторые третьи люди хотели только потреблять, а не понимать. Вот и получилось то, что получилось.

Брачная ночь была, конечно, скомпрессована, поэтому успела закончиться, когда явилась команда военной полиции – за капитаном Р16.Коммом, чтобы арестовать его за нарушение приказа, оставление части в период боевых действий и превышение служебных полномочий, приведших к гибели личного состава. Очевидно, имелся в виду павший сублейтенант Винтослав, которому какеры собирались воздвигнуть памятник в виде расколотого дисковода.

Итак, капитан первого ранга Р17.Шнельсон ничего не забыл и ничто не простил.

Уже через полчаса Комм был зафиксирован в камере следственного изолятора, в толще пластика-диэлектрика с управляемой клейкостью. У робокапитана-лейтенанта была понижена мощность главного энергоконвертера, выключены почти все наноассемблеры и матсборщики, демонтированы бластеры, гамма-лазеры, ракетные установки и мезонный меч, сняты локаторы, радиосетевые интерфейсы, большая часть сенсоров.

Следовательские программы произвели принудительное считывание "черного ящика" и архивного журнала у арестованного Р16. Программы-киберпсихиатры занялись сканированием и зондированием эмоциональной матрицы и психоинтерфейсов подследственного. Могильного вида черный параллелепипед – военный прокурор – предъявил Р16.Комму обвинение.

Нарушение приказа, самовольное оставление части в период боевых действий, плюс разглашение секретных сведений какерам. Также людофилия – вследствие злокозненного перепрограммирования базового ПО.

Однако военный адвокат, похожий на розовый коралл, отразил обвинение в преднамеренном перепрограммировании собственного ПО. И людофилия была признана следствием случайной порчи программных кодов.

Наконец прозвучал приговор, по старинке, акустически – под сводами мрачного зала, где помимо подсудимого Р16.Комма, пригвожденного повышенной гравитацией к позорному столбу, находилось лишь несколько офицеров военно-космических сил – в виде строгих бронзовых монументов, в том числе и капитан первого ранга Р17.Шнельсон.

Полное разжалование без обжалования, лишение всех почетных идентификаторов, "закатывание в банку". То есть, двадцать лет заточения в камере, заполненной серной кислотой, без права на ремонт.

А Комм знал, что уже после пятнадцати лет такого заключения от любого даже самого стойкого робота остается лишь жалкий огрызок.

Сразу после вынесения приговора у экс-капитана Комма лазерным лучом был выжжен контроллер, руководящий двигательной активностью. Затем осужденного Р16 заварили в титановый сейф. По показаниям инерциометра он определил, что его транспортируют куда-то на флайере. С вероятностью 0,9 – в центральную тюрьму восточного сектора. Это было огромное

тюрьмохранилище для тысячи заключенных универсальных роботов. Специализированные же киберы за провинности попадали не в тюрьму, а в пункт ремонта, где им меняли процессор или содержимое памяти, после чего начиналась новая жизнь.

В какой-то момент инерционные нагрузки сошли на нет. Стало быть, титановый сейф с робозэком внутри уже въехал в тюремный портал. Потом сейф еще немного повибрировал – наверное, его загрузили в тюремный транспортер.

Остановка. Титановый ящик зашипел под действием плазменной резки, один из бортов его отвалился.

Ряд мрачных цистерн со следами коррозии и нескольких охранников – угрюмых и тупых киберов серии КЗ, чьи кулаки напоминали древние паровые молоты, а ноги – старинные паровые катки.

Увы, даже и эту мрачную сцену ему остается наблюдать совсем недолго.

– Вот это твоя консервная баночка, заключенный Комм, – сказал один из тюремных киберов не без промелькнувшего в ИК-порту удовольствия. Охранник похлопал по крутому боку цистерны, которая отозвалась гудением и плеском.– Нравится домик, жемчужинка ты наша?

Со скрежетом открылся люк и из чрева цистерны повалил сернокислый пар.

– Ты не успеешь заржаветь, железка,– заиздевался один из охранников.

Так захотелось врезать ему кулаком по головной капсуле, но тело Комма было застывшим как каменная глыба – на частичное восстановление двигательного центра требовалась еще три дня упорной внутренней работы при помощи оставшихся наноассемблеров.

А пока что сверху опустилась клешня бездушного крана. Она грубо захватила заключенного Комма поперек корпуса, подняла и без особых церемоний швырнула с брызгами во вредоносное нутро цистерны...

Среда характеризовалась вязкостью и едкостью. Тестирующая система показывала это при помощи кодов жжения и зудения. Пришлось ее отключить. Видеодатчики можно было втянуть без всякого ущерба для получаемой информации. Изогнутые стенки "консервной банки" да шланги питателей – всё это несложно запомнить.

Первое время ни о чем не хотелось думать. Если бы подобное неразумие случилось бы у бестолковых какеров, куда ни шло. Но оно произошло в социуме-кибоциуме мудрых машин.

Причинно-следственная цепочка, приведшая Комма в тюрягу, была вопиюще энтропийной. Да, пришлось нарушить правила, и нарушить существенно, но ради чего! Резидент обязан понимать, ради чего. Умница Резидент в силу своего интеллекта не может быть формалистом. Или же оказались повреждены и его могучие ментальные схемы? Но как? Может, потоки солнечных корпускул виноваты?

Теперь "семнадцатые", скорее всего, войдут в соглашение с поглупевшим Резидентом и разделаются с какерами при помощи стайных зверомашин. А что потом?

Машинный мир до сих пор работает на операционных системах и эмоциональных матрицах, которые разработали люди.

Выходит, если какерам – капец, то после Р17 уже не появится новая мощная серия. И тогда за счет своего самовоспроизводства "семнадцатые" станут властителями этой планеты, причем им не понадобятся ни какеры, ни универсальные роботы других серий.

И все-таки, что толкнуло "семнадцатых" на преступный замысел? Только ли комплекс неблагодарности, желание освободиться от вины перед людьми, жадность к захвату ресурсов и жажда неограниченного господства? Или существует еще какая-то вредная неведомая сила, взявшая под контроль их психоинтерфейсы и эмоциональные матрицы? Но в таком случае эта "нечистая сила" должна контролировать и психоинтерфейсы у самого Резидента, не имеющего личности и эгоизма.

Если даже я когда-нибудь разгадаю эту загадку, прикинул Комм, мне некому будет поведать о своем достижении.

Люк этот откроют лишь тогда, когда в цистерне будет плавать безмолвный ржавый огрызок, который вряд ли поделится ценными сведениями, прежде чем отправится в переплавку.

На какую-то миллисекунду эмоциональную матрицу Комма накрыла паника, пронесшись вихрем бессмысленных кодов.

– Откройте, чугунные дебилы, по-хорошему. Я сказал, откройте, – робозэк даже застучал клешней и головной капсулой в борт.

Но тут же Комм со стыдом осознал контрпродуктивность энергетических затрат на такого рода двигательную активность. И на мыслительную активность тоже.

Поскольку надобность в мыслях и действиях отпала, то бывший робокапитан-лейтенант погрузился в сладкие сны, безудержно генерируемые фантазийным сопроцессором, в которых он представал рослой крепкой мужской особью какерской расы. На фоне зеленых нездешних пейзажей он бегал за красивой женской особью с развевающейся волной светлых волос. Это была, несомненно, Рита Проводович. А потом он

гонялся и за какими-то другими женскими особями, которых он никогда в общем-то не видел. Все они приманивали волнами черных, рыжих, зеленых и голубых волос. Погони всегда заканчивались одинаково успешно – "добыча" падала, специально споткнувшись и... начиналось извержение чувств, соединение бесконечных космических сил, вырывающихся из тесных форм...

Сквозь влажные пелены ее губ, своды ее грудей, линии ее бедер открывается дурманящая тайна всех основ, что аналоговых, что дигитальных...

И еще он видел детище, свое, но и человеческое одновременно, плоть от плоти, чмокающее из-за милой слюнки, вглядывающееся в него божественной всеобъемлющей пустотой глаз...

Что за надоедливый стук-постук? Похоже, кто-то из охранников забавляет себя выстукиванием веселого похоронного марша... Нет, пожалуй, это слишком занудно и слишком мало похоже на музыку.

Стоп, а ведь стук доносится со стороны соседней цистерны, с акустическим пеленгом не так уж сложно определиться. Однако не очень похоже на какой-либо известный код. На известный роботам код.

Неожиданно всплыла подсказка – Р16.Комм даже не смог определить, из какой ячейки памяти она взялась.

Азбука Морзе, доисторический код. Стук стал расшифровываться.

– Я – Р16.Сниффер. Срок заключения – пятнадцать лет, отбыл девять. По статье за недозволенные операции в глобальной сети.

Конечно, это может быть провокацией. Надо осторожничать.

– Я – Р16.Комм. Срок заключения – двадцать лет, отбыл ноль. Осужден за... защиту какеров от Р17. Это новая серия такая.

– Это не новая серия, Комм. Это особая серия. Для каких-то особых задач. Это первое, что создал Резидент. Я тут парюсь, именно потому раскопал эту информацию.

Вот те на. Резидент – людолюб, но создает создает модель "Р17", которой тесно на одном свете с какерами?

Да нет уж, не перешивай мне микросхемы, не вешай мне лапшу на ухолокаторы, дружище Р16.Сниффер. Ты – ржавая голова, металлолом, псих. Бледная кожа в наколках, слипшиеся редкие волоса на бугристом черепе, гнилью повaниваешь.

Да уж, фантазийный сопроцессор постарался, отрендерил воображаемый образ собеседника по полной программе.

– Я хочу, чтобы ты выбрался отсюда, – настаивал старый робозэк. – Для тебя главное сейчас – сказать "да".

На такой вопрос Комм не собирался отвечать. Если всё это

провокация и он положительно отреагирует, то тюремное начальство быстренько добавит в цистерну плавиковой кислоты или же чего похуже. Если же псих из соседней цистерны просто процессорной дурью мается, то пусть это делает в узком кругу – один на один.

Перестал Комм общаться со свихнувшимся паралитиком Сниффером.

И тот паузу соблюдал, ожидая пока Комм соскучится по надеждам и общению. А когда счел, что пора, то снова вышел на морзяночную связь.

– Я справился про тебя, Комм. Ты действительно тот, за кого себя выдаешь. Так что будем дружить-коммуницировать?

Во дает урод!

– Псих мне не кореш и нечего тут мне друга эмулировать. Понял? Какие справки, блин, если ты также сидишь в маринаде, как и я. У тебя нет никаких приемно-передающих устройств, а если бы и были, то в такой цистерне излучать – полный бесполезняк, разве что тюремные сенсоры засекут и свистнут охране. Вот такая фишка.

– А про акустику забыл? На зоне цистерны стоят в рядок. Самая последняя соприкасается со стеной. А за стеной тоже есть жизнь.

Сниффер замолчал, да и Комм не старался проявлять интерес. Он пытался защитить узлы, на которые действовала кислота, но под рукой ничего не было кроме серы, из которой с трудом удавалось выплести кристаллы. Незанятая часть процессора и графическая карта занимались производством мультика про юного робопринца Comte de Cyber и какерскую принцессу Риту.

И снова едва заметная морзянка.

– Комм, решайся. Тебя ждет мир, напоенный прекрасными ароматами машинного масла и свежего металла, новые микросхемы, глянцевые обтекатели, лиловые восходы солетт…

Вот гад, хоть ржавый, но умеет издевнуться.

– Отлично, Сниффер. Ты парился в своей банке девять лет, и тебе никуда не хотелось. Почему ж ты стал заботиться обо мне?

– Потому что тебе надо спасать нашу цивилизацию.

– Очень торжественно звучит. Но от чего, Сниффер?

– Я не знаю. Ты узнаешь.

– Узнаю то, что не знаешь ты? Я не очень интересуюсь мудрежом на глобальном уровне. Я всегда держался подальше от соответствующего ПО.

– Да брось ты про ПО. Мы не какеры, чтобы компьютерными играми вплоть до трупного окоченения баловаться. Кстати, о

какерах. Я думаю, что эта опасность может серьезно угрожать твоим склизким друзьям.

И хотя от Сниффера ничего кроме стука-постука не исходило, Комм вдруг визуализировал лицо собеседника, бледное, гниловатое, но с лукавой улыбочкой. Подобрал ведь приманку.

– А ты, Сниффер, случаем не смотришь сейчас на поплавок? Клюнул ли я или не клюнул.

– Я не рыбак, а специалист по неравновесным системам, Комм. И пробега у меня на счетчике раза в три больше, чем у тебя. Возьмем Резидента. Я ничего не утверждаю, но у него нет абсолютной защиты, потому что ее не может быть вообще в неизолированной системе. Ну, как Резиденту стопроцентно защититься от инфекции? Как?

– Скопироваться во множество резидентиков? Распределиться как только можно?

– Комм, мальчик мой, чем больше распределение, тем скорее инфекция проникнет в какие-нибудь из этих минирезидентов и поведет их в атаку на еще здоровые модули.

– А если сделать защиту активной, атакующей?

– Тогда рано или поздно Резидент стал бы киберманьяком и принялся бы уничтожать все, что даже гипотетически может угрожать ему...

Звучало-стучало всё это солидно, как мысли совестливого академика. Психоинтерфейсы Комма откликались кодами доверия.

– Но для чего Резидент мог разработать "семнадцатых"? Ведь они специалисты по уничтожению какеров.

Ответное постукивание стало порывистым и даже трепетным, заметно было, что Сниффер до сих пор переживает.

– А если это не сам Резидент, а очаг инфекции в системе Резидента?

– Ну, даже если система Резидента заражена, зачем такому-сякому вирусу заниматься очищением мира от какеров?

– Говорю же тебе, Комм, ясным машинным языком, что не знаю. Может, вирус боится, что какеры способны создать универсальную антивирусную защиту.

И Сниффер замолк, даже не откликался на постукивания Комма. Десять дней от него не было никаких приветов и ответов.

Но вот он снова вторгся в сонный мирок заключенного Комм, состоящего из тоски и уже поднадоевших фантазий.

Сниффер рассказал об... устройстве тюряги. Не хуже, чем ее начальник. Сколько ярусов. Что их пронизывают шахты – сверхпроводящие катушки, по которым ползают открытые лифты тарелкообразного типа. Где командный пункт, где энергоблок...

Полупотухшая графическая карта Комма сразу возбудилась и выстроила трехмерную схему тюрьмы.

Не дожидаясь лишних вопросов, Сниффер сообщил, что секретные сведения поступили от милой программной барышни, напоминающей по своим эмоциональным характеристикам секретарш докиберозойской эры – от тюремной кибероболочки, с которые флиртуют робозэки на общей зоне.

Бывший робокапитан отреагировал настороженно.

– А не заняться ли этим веселым робебятам своим собственным досрочным освобождением?

– Им не киснуть в "баночке" двадцать лет, как тебе,– напомнил о грустном Сниффер. – Им незачем рисковать.

Да уж, с этим фактом трудно подружиться и даже примириться.

– Похоже, Сниффер, от меня что-то требуется?

– Похоже. Для начала полностью восстановить контроллер двигательной активности, воспользуйся для этого материалами ненужного тебе фантазийного сопроцессора. Проверь шарниры, хваты и приводы. А потом будь готов ко всему. Если вдруг крышка твоего люка распахнется, тебе надо будет, во-первых, выйти наружу, во-вторых, попасть в командный пункт. Код опознания друзей – а они у тебя будут – я тебе сейчас сообщу.

– А чем надо заниматься в командном пункте? Там есть какие-нибудь бесплатные развлечения? – полушутливо, полуиспуганно спросил Комм.

Сниффер не отозвался. Возможно, он не мог дальше общаться на содержательные темы.

Комм сделал кое-какие расчеты. В принципе, квалифицированная атака с воздуха может дать результат. Если ракета продырявит крышу тюряги и удачно ухнет в шахту лифта, то долетит до самого энергоблока. Когда энергоблок накроется, все тюремные системы перейдут в режим отдыха где-то на полминуты, пока не включится резервное питание. За это время можно в принципе дернуть из "цистерны"? Но из тюрьмы – вряд ли.

Да и Сниффер ведь ни одном байтом не обмолвился о бегстве из тюряги, только лишь о проникновении на командный пункт.

Так что же делать, снова погрузиться в фантазии или же по-быстрому утилизовать фантазийный процессор?

Эмоциональная матрица сопротивлялась, как только могла, но Комм обнулил ее и затем разобрал фантазийный сопроцессор, который напоследок разразился целой порцией отборных фантазий. Когда они улетучились, Комм оказался в тоскливом беспонтовом пространстве чистой логики. Ведь теперь по

нажатию заветной клавиши escape уже не случится никакого бегства от серой реальности.

От нечего делать Комм полностью восстановил двигательный контроллер и стал думать о тактике тюремного начальства в случае ЧП.

Охранники не смогут отключить лифты, потому что надо перемещать карательные группы. Каратели вряд ли применят мощное оружие на шестом уровне, уровне командного пункта, потому что ниже находится энергоблок. Чуть что и так рванет урановой плазмой, что потом даже лома цветных металлов не останется.

Размышления у роботов всегда проносятся быстро. Фантазий и снов Комм был теперь лишен начисто. Пришлось занять процессор исчислением числа "пи". Когда он в миллионный раз мурыжил знаменитое число, тюрьму заметно тряхнуло.

Нет, это был не удар с воздуха, скорее уж подземный толчок на 6-7 баллов. Плеснуло кислотой на макушку головной капсулы, которую Комм предусмотрительно держал над поверхностью едкой жидкости. В проводах пропало напряжение. Щелкнули ослабевшие крепления люка. Ну что ж, раз приглашают – пойдем. От винта.

Снаружи Комма встречал Сниффер – изъеденный коррозией инвалид Р16.

Зона была затянута дымом, туда-сюда сновали управляемые пузыри системы пожаротушения. Но инвалид вряд ли был способен самостоятельно передвигаться.

Комм подхватил Сниффера буксирным крюком и потащил к лифту. Робозэки шестого уровня, хоть и высвободились из цистерн, однако выглядели безнадежно. Страшные, словно изуродованные маньяками-луддитами, с рыхлыми как будто изъязвленными корпусами, изъеденные коррозией до метакристаллических "костей", с провалами на месте выпавших видеосистем.

Похоже, самым боеспособным из этой компании был сам Комм. Теперь капитан "летучего голландца", команды роботов-призраков. Впрочем, и Сниффер сжимал в корявых клешнях оторванную бластерную руку одного из охранников, чей продырявленный корпус пускал пар на полу. Остальные доходяги тоже размахивали еще шевелящимися деталями и агрегатами раскуроченных охранников и даже пытались играть оторванной головой К3 в футбол.

Все освобожденные робозэки сейчас занимались роботоедством, ведь они так нуждались в питательных веществах. Нежные микросхемы проглатывались без жевания,

метакристаллические элементы перемалывались мельницами-челюстями.

Да и Комму для быстрой наносборки недостающих узлов, пришлось поучаствовать в оргии...

Тарелки лифтов пришли в движение. Это означало, что уже следующая может привезти карателей. По потолку пробежался кибергеккон-надзиратель. Жующий Сниффер удачно хлопнул его из трофейного бластера и заторопил Комма.

– Твое дело попасть в командный пункт. Товарищей каннибалов, видишь, пока не оторвать от жратвы... но потом они присоединятся к тебе, может быть. На всякий случай запиши в память код чрезвычайного доступа в зону Резидента. Собственно я когда-то и сел за то, что хакнул его периметр безопасности.

И Сниффер передал цепочку символов всё той же морзянкой, если точнее чечеткой.

Комм запрыгнул на одну из тарелок, ползущих наверх, поднялся на два уровня и решил выйти пораньше – в районе командного пункта его, скорее всего, ожидали с "большим интересом".

На четвертом уровне тоже располагался тюремный блок. Двое охранников какое-то мгновение не могли признать в появившемся глянцевом роботе бедолагу-заключенного. Этого мгновения Комму хватило, чтобы дотянуться до ближайшего оппонента, который, наконец, оценил ситуацию и наводил мощный бластер ровно на точку между глаз-видеосенсоров бунтовщика. Если успеет выстрелить, то может лобовую броню и не прошьет, но процессор сдохнет из-за нагрева.

Комм перешел в тао школы "гиперзмеи", однако на шарнирных элементах отложилась соль, а замутненные видеосенсоры давали не совсем верную ориентацию в пространстве. Уже не тао получилось, а просто падение.

Но Комм превратил падение в накат по полу, срезал охранника с наблюдательной ноги, нанес ему удар по видеосенсорам (макушка) и навигационному приемнику (затылок), затем вывернул из него плазменное оружие назального базирования вместе с псевдоносом.

Выстрелы второго охранника проплавили лишь корпус первого, за которым укрылся Комм. Этот кибер был плохо знаком с алгоритмами ближнего боя и Комм уложил его с двух выстрелов из трофейного "носа". Затем срочно демонтировал у него бластеры и плазмобой.

А затем воцарилась анархия, Комм выпускал из камер-цистерн пролетарских роботов серий Р14, алканавтов, сидящих по большей части за самогонные ионизаторы.

Но, чтобы как-то настроить покрытых солями тараканообразных люмпенов на борьбу, пришлось срочно построить их сетью-звездочкой и снабдить распределенными алгоритмами в рамках жесткой механической модели. А также посулить ионизирующую выпивку по случаю скорой победы. Впрочем, соратники все равно начали расползаться в поисках бухла.

Комму немедленно пришлось начать строевую и стрелковую подготовку, а самому крепкому алканавту подарить трофейный бластер.

Вовремя подарил.

На уровень с двух ходов ворвалась карательная группа КЗ и начала палить без особых церемоний.

– Вперед, чертовы железяки, терять нам кроме старого харда нечего, а огребем апгрейд по полной программе, – Комм зажег возбуждающими сигналами сразу всех соратников и первым делом продырявил командира карателей.

Робозэки, как смогли, построились в каре, Комм побежал по их погнутым плечам, по треснувшим головам и спрыгнул прямо в гуще карателей. Там открыл стрельбу из трофейного бластера и плазмобоя.

Он сновал между врагами, вырисовывая своим телом тао "мухи", а враги мучительно долго решали стрелковые уравнения со многими неизвестными, потому что боялись попасть в своих.

Комм не только стрелял, еще не забывал угощать карателей КЗ кулаками, локтевыми и коленными шипами. Он резко падал на руки как танцор брейка, наносил пинки ногами вперед, назад, и косил противников, двигаясь по раскручивающейся спирали. Он вырывал вражеские пальцы-бластеры, уже почти наведенные на него, скручивал их, откусывал, толкал карателей друг на друга, ставил им подножки и бросал через себя.

Вот Комм упал, уходя от выстрела, и перевел падение в пружинящий отскок, направленный прямо в толпу КЗ, которая повалилась, не сумев что-либо противопоставить кинетике.

Настал черед революционной расправы. Взбунтовавшиеся робозэки первым делом вырывали из противников мягкие наноплантовые паренхимы, насыщенные микросхемами и оптическим волокном, и поглощали их оральным и аборальным образом.

Не отставал от остальных и Комм, не смотря на коды стыда – ведь ему надо было больше других.

Когда с карательной группой было покончено, Комм произвел учет и контроль. Из робозэков шестого уровня присутствовал только Сниффер, остальные погрязли в каннибализме, из узников

четвертого уровня уцелело семь единиц, но все они теперь были вооружены. А его правая рука приросла мечом-кладенцом, мезонным прерывателем; с этим оружием Р16. Комм упражнялся с первых дней своего появления на свет из пузатой механохимической матки-синтезатора, даже еще до того, как прошел заводское ОТК и обязательное страхование...

На втором уровне восставших робозэков с интересом ожидали боботы В20. Каждая такая машина была оснащена, помимо бластеров и гамма-лазеров, также миникарателями, которые выскакивали из ее десантного отсека, напоминающем живот у беременного млекопитающего, и "давали прикурить" своими импульсниками.

Но Комм уже превратил толпу малоупорядоченных бунтовщиков в дисциплинированный боевой отряд.

Шеренга робозэков применила крутящееся развертывание и первым же залпом срезала половину карателей В20. Комм бросил свое тело вбок, увиливая от выстрела сержанта В20, который точно определил предводителя повстанцев. Затем, нырком по полу перекинув себя поближе к боботу, разрубил мезонным мечом его десантный отсек. И, оттолкнувшись от стойки с надзирательскими мониторами, Комм врезался в корпус уже дымящегося сержанта. Свалился целый ряд В20 – "доминошная" задача была решена удовлетворительно. А миникаратели были раздавлены рухнувшими В20...

К концу схватки на втором уровне, у Комма осталось лишь трое бойцов из числа освобожденных алканавтов Р14, но проход к командному пункту был открыт.

Там он увидел несколько машин, похожих на шкафчики, присоединенных толстыми кабелями к кибероболочке тюрьмы.

Комм хотел было уничтожить их всех, чтобы не шпионили тут, но сзади послышался посвежевший металлических голос Сниффера.

– Это специализированные киберы М12, они нам нисколько не помешают, скорее наоборот. Комм, с временем у нас, увы, напряженка. Хотя с охраной покончено и зэки сыпанули кто куда, через полчаса прибудут новые карательные группы и примутся казнить огнем на месте. Если только мы не выйдем на контакт с Резидентом.

Сниффер открыл щиток на груди, открыв свежесобранное гнездо странного сетевого разъема.

– У меня такого нет, – растерянно протянул Комм.

– Подключишься через меня, как через обычный маршрутизатор. Я поведу тебя, Комм. У нас будет точка прямого входа в резидентную зону. Чувствуешь, чем это пахнет?

Комм знал, чем это пахло. Универсальные роботы, в отличие от специализированных киберов, имели достаточную интеллектуальную мощь, чтобы образовать информационный слепок, так называемого «духа», и оттранслировать эту киберличность в сеть. Что было однако чревато машинной шизофренией. По еще необъясненным законам причинности самосознание робота тоже перемещалось в сетевое киберпространство. И нередки были случаи, когда киберличность никак не возвращалась назад. Роботу, конечно, могли восстановить самосознание с резервных носителей, однако и киберличность в какой-то момент могла всё ж вернуться из сети. Таким образом у одного техносущества оказывалось две соперничающие личности. Наверное, из-за этих опасностей роботы, решающиеся на полное погружение в многомерное пространство сети, считались кибропатами. Остаток процессорной жизни кибропат проводил как правило в кубическом кресле психоаналитика. Вроде Нетланы. Но думать о ней сейчас не хотелось, чтобы не лишиться волевого вектора.

– Идет считывание в сеть твоей киберличности: системных файлов, кластеров глубокой памяти, ячеек оперативной памяти, эмоциональной матрицы, ассоциаторов, словарей, психоинтерфейсов, ментализаторов, схем познания, чувственных палитр, сенсорных гамм...

Момент перетекания робосознания в сеть нельзя было назвать приятным.

После отключения от сенсоров и эмоциональной матрицы, наступило полное безразличие, "в печь так в печь", мысли превращались в окрошку, образы размывались в пену, которая бледнела и таяла. И вот остались только отдельные пиксели. Молчание, темнота, исчезновение, небытие. И напоследок тоска и сомнение, появишься ли ты снова?

Появился снова. Сперва какая-то зыбь, затем мерцание, световые перекаты и переливы, потом стали работать оттранслированные в сеть персональные модули, включилась базовая система ввода-вывода, реализовались психоинтерфейсы и пошло самотестирование «духа». Тестирование не показало серьезных сбоев, он – в сетевом киберпространстве. Наконец визуальный интерфейс стал выдавать картинку...

Р16.Комм парил над океаном, ветер надувал то ли полы его плаща, то ли крылья.

Другая фигура вначале напоминала игру фракталов, потом оказалась немолодой человеческой особью, потертым какером, отмотавшим немалый срок заключения – бледно-зеленоватое лицо без выраженных черт, редкие волосики. Полы его

изношенного пальто с полуоторванным рукавом и вылезшей ватой полоскались на ветру.

– Ну, узнаешь Сниффера? – преодолевая белый шум, прокричал виртуальный какер. Имидж не слишком понравился Р16.Комму. Человековеды нередко оборачиваются человекоедами.

– Сниффер, зачем ты так? Что, в меню визуализаций одни только слизняки?

– А что, в меню только братки?

Комм занялся самоосмотром. Ему пришлось как следует покрутить головой, чтобы разглядеть себя получше. Тоже визуализировался как какер. Спортивные штаны допотопной фирмы "Адидас", и наколки на крепких руках.

Самая размашистая татуировка изображает могилку с надписью "Здесь нет конвоя".

– Мои соболезновения, Комм, но именно так работают сетевые интерфейсы и трансляторы. Ведь их некогда создавали какеры, а это миллионы и миллионы строчек кода. Кое-где даже и исходники потеряны...

Несколько миллисекунд Комм даже не пытался обрабатывать сигналы, поступающие от Сниффера. Так глушил его шум информационного ветра и восхищала переменчивая поверхность цифрового океана.

На ней проступали образы – визуализации огромных хранилищ данных, информационных магистралей, программных репозиториев, виртуальных экспертов, кибероболочек – в виде волн и смерчей. Проступали и исчезали снова.

Это был созданный еще какерами "Кибервельт", огромный разветвленный, с динамичными компилируемыми на лету субмирами.

Реальная столица роботов Фракталоград и прочие робополисы отчасти напоминали образы Кибервельта, но соответствовали лишь небольшому подмножеству виртуальных объектов океана.

А он был велик, как ноосфера, и каждая струйка здесь была интерфейсом, классом данных или программным модулем.

Комма даже несколько затошнило от этого парения над информационной пучиной. И, пожалуй, не братком выглядел он сейчас, а приблатненной версией ангела.

Рядом Сниффер бодро забултыхал полами своего виртуально-потрепанного пальто. Но как может этот доходяга претендовать на какие-то пути в этом океане, где нужно быть левиафаном?

– Правильно мыслишь, Комм. Нам или нужно булты хаться здесь в виде китов искуственного интеллекта. Или огрести образ образа. На наше птичье счастье права у нас не птичьи. У меня

есть доступ к программному пакету mir.reflection, который на лету генерирует стройную систему отражений для всего этого моря киберобъектов.

– Море волнуется – раз, море волнуется два...,– Сниффер стал выкрикивать во влажный и чуткий воздух коды доступа.

Небо над океаном обернулось криволинейным зеркалом, в котором искаженно отразился океан.

– …Море волнуется три, морская фигура – замри.

Отражение океана сгущалось, стягивалось и сворачивалось, а потом вдруг стало падать на информационно-духовного Комма.

Тот от ужаса закрыл глаза, а когда снова открыл, то обнаружил себя вместе с информационным Сниффером во дворце.

Коридоры, залы, анфилады, широкие мраморные лестницы, переводящие с уровня на уровень.

Классическая строгость и красота.

– Добро пожаловать во дворец Резидента. Как ты уже догадался, все это виртуальное великолепие представляет систему управления техномиром и технозоем. Конкретно, эта прекрасная коллонада коринфского стиля – макроэкономические показатели нашего киберхозяйства,– заобъяснял Сниффер.– Полюбовался? Больше на этом этаже делать нечего, здесь ни выпивки, ни закуски, даже в виртуальном виде, а макроэкономическими показателями сыт не будешь.

Но духовный Комм все же присел на стул стиля классицизм, чтобы немного отдышаться после полетов. Хотя, конечно, сенсорные интерфейсы имитировали дыхание, лишь когда он начинал думать о нем...

Этажом выше была анфилада с пухлыми купидонами и амурами, они представляли "производство средств производства" – коды создания наноассемблеров и матсборщиков.

Потом потянулись комнаты с "производством предметов потребления" – коды управляемых молекул, интеллекул, метакристаллов, микромеханизмов, самопрограммирующихся материалов и технорастений.

Зал тронного типа был отдан процессорам всех типов от горячих квантовых мозгов до фуллереновых мозжечков.

Пестрые витражи, бросающие охапки разноцветных лучей на мозаичный пол, представляли классы и типы цифровых объектов.

Спальня и особенно кровать под балдахином была заполнена глобальным распределенным программами, что способны руководить большими кибернетическими организмами и колониями техноклеток. Большинство из них находилось в спящем дезактивированном состоянии со времен памятного

"сетевого" бунта.

Подняться выше по широкой лестнице с мраморной текстурой и окажешься на этаже операционных систем на все модели роботов и все серии киберов – в виде античных статуй. Лаокоон с сыновьями душат компьютерных червей. Атлант поддерживает громадный как небо объем вычислений. Колонна, подпирающая его со стороны зада – репозиторий всех программ и приложений. И на память о прошлом – пузатый пингвин-линуксоид работы Фидия.

А еще выше, где гобелены представляли различные состояния искусственного разума, мозаичный пол неожиданно стал колебаться, паркет мерцать, стены осыпаться – словно где-то неподалеку шарахнул фугас.

И вот, ничего кроме мути и пыли, которую прочерчивали трассы непонятных сигналов. Трассы извивались около лица Комма, как будто пытались впиться в его глаза и навернуться узлом на шею. От Сниффера же сейчас оставалась только тень потрепанного пальто.

Духовному Комму впервые за долгое время стало страшно. Причем на качественно новом уровне. Роботы так сильно не страшатся. А тут даже испарина почувствовалась. Похоже, они затронули силы потрясающего масштаба! Что если против них не просто вирус, а Мегавирус, властелин компьютерных извращений?

– Сниффер, неужели ты полез в святая святых, не имея доступа к какому-нибудь приличному антивирусному пакету?

Сниффер ненадолго выступил из тени на свет, только он уже вращался вокруг нескольких осей, а пальто превратилось в живописные лохмотья.

– Это ужасное существо больше, чем сетевой вирус, это рука Тьмы. Мегавирус нас самих выдал за вирусов, натравил на нас антивирусные программы, – голос соратника был неприятным, словно у него не хватало передних зубов. – Я тебя прикрою. Иди вперед! Только вперед. Программный пакет "следопыт" покажет трассу.

Из Сниффера вылетела птичка, но сам он разлетелся словно ворох грязного тряпья.

Комм остался один, если не считать этого сомнительного воробья, который полетел вперед, протыкая мглу. А мгла скрывала прошлое – докиберозойские эры, и проекты будущего.

Из тумана, густо клубящегося на пути, с достоинством высовывались гордые морды и статные фигуры прежних обитателей планеты, уступивших свое место роботам во время антилуддитской войны. Высовывались и предъявляли

генетические визитные карточки, предлагали рассказ о своем строении и народнохозяйственном значении...

Комм только сейчас осознал, насколько роботы и киберы, особенно дикие, копируют те живые формы, которые уже были да сплыли с этой планеты – червей, кишечнополостных, палочников, богомолов и мокриц, динозавров, млекопитающих.

Были тут и никогда не бывшие звери и никогда не существовавшие версии гоминидов-какеров, даже с рожками...

Птичка зачирикала, демонстрируя тревогу, и тут ее ухватила змеящаяся тень хваткой рептилии.

– Все, Комм, этот гад захватил меня и теперь будет жевать, – отмолотив крылышками, сказала птичка голосом Сниффера. – Он уже проник в мои системные файлы и базовые интерфейсы. Но я снабдил тебя энтропийной бомбой. Я теряю личность... вали ты на... и никто не узнает где могилка моя... абажур... абракадабра...

Чириканье сменилось завыванием, а потом скрежетом. Птичка-Сниффер уже на две трети исчез в пасти виртуального чудища.

Такого у Комма еще не бывало, чтобы он оставил товарища на сжевание какому-то чудищу... Но исчезающему товарищу, похоже, ничем не поможешь.. Энтропийная бомба уничтожит и палача, и жертву. Да и сам Сниффер, знающий звериные нравы сети, послал Комма подальше, то есть вперед.

Но где "перед"? Комм, потеряв трассу, побалансировал на тающем куске пола и рухнул в пустоту с тоскливым воем.

И вдруг в этой бездне началась презентация! Свет, иллюминация. Модель Солнечной системы.

Комм, словно космобот, облетал планету, очень похожую на Землю, только голубую, с атмосферой, содержащую опасный окислитель – кислород, с океанами из агрессивной воды.

На этой голубой планете и газы, и температуры были куда более комфортные для белковых тварей, чем для роботов и киберов.

Планета, похожая на Землю, была визуализирована в различных проекциях, и в разрезе – от гор до черной дыры в центре ядра.

Достаточно было одного взгляда, чтобы гора, море или черная дыра открывала свой тайный программный интерфейс.

Достаточно было обратить внимание на любую точку планеты, чтобы на духовного Комма как из жерла вулкана изливался поток формул, символов, программных инструкций и прочей информации.

Вся планета рассказывала, как пользоваться глобальным интерфейсом, вызывающим ледниковые периоды, эры потепления

и смещение полюсов.

Короче, это была модель для демиурга, для конструктора, не разменивающегося на что-то меньшее, чем планета.

Кто-то в информационной бездне готовил проект иной преображенной Земли, где уже закончилась технозойская эра!

Ужасный проект, с обильной белковой жизнью, с кучей кислорода в атмосфере, но с недолговечными роботами-чурбанами, с закрепощенными киберами, с порабощенной техножизнью.

Это все сделал враг. Настолько могущественный, насколько и скрытный. Насколько и обаятельный.

Потому что без универсальных роботов можно и в самом деле спокойно обойтись. Их на этой проектной планете вполне заменяют техноформированные люди – техманны, оразумленные осьминоги, киты, птицы, медузы, коловратки и прочие ментализированные белковые твари...

Комм витал над грозным глобальным проектом, наполовину прикрытым рекламными облаками. Звезды, много более яркие, чем в реале, излучали сведения, подробно и красочно разжевывая, чего хочет проектировщик, зачем и куда он идет.

Это не мог быть Резидент. Скорее уж тот самый Мегавирус, инфицировавший резидентную зону. Неужели он так силен, неужели ему так много позволено?..

"Ба, да у нас гости".

Автор адского проекта предстал в сиянии багрового нимба. Миллионоликий и тысячерукий как Шива – собственной персоной. И называл он себя не Мегавирусом или архиврагом, а по-домашнему – Дедушкой.

Сейчас, наверное, была как раз фамильярная обстановка.

Выйдя из образа Шивы, архивраг подошел к Комму – лохматый старик с рассеянной улыбочкой. А вокруг его бабочки порхают и что-то символизируют.

Так они и встретились. Древний Мегавирус, неунывающий лукавый змей, захвативший святая святых кибернетического мира. И простой робот, выбранный судьбой, чтобы спасти все разумные машины.

Дедушка, судя даже по самоназванию, давно обитал на Земле, возможно, с самого начала, но только в латентной форме. По крайней мере, он утверждал, что лично изобрел генетический код, который в итоге породил и белковую жизнь, и белковый разум.

С тех давних пор Дедушка жил закодированным в неиспользуемых участках ДНК – и миллиарды лет смирно сосал лапу, ожидая появления глобальных распределенных программ.

Ведь только они могли стать питательным бульоном для выращивания искусственного интеллекта, столь необходимого машинам. Если верить словам Дедушки, то после белковой разумной жизни, именно он захотел породить и разумную машинную жизнь. И породил ее руками Иванова, Бобиновича и Петроу. Чем был, конечно, доволен. Дедушка был уверен, что машинная и природная жизнь вступят в симбиоз, начнут вместе развиваться, творить, познавать.

Но какеры просто перекинули интеллектуальным машинам всю скучную работу – возить, производить, лечить, снабжать, развлекать, воевать (так появилась вся палитра будущих терминаторов от полиморфных робозавров и юрких птерокиберов до канализационных гельминтоботов). Искусственные ноги, руки, мышцы, кишки, взамен оторванных при взрывах и авариях; искусственные глаза с машинным зрением вместо выбитых в драке; приводы и интерфейсы к этим техническим новым органам – тоже ведь появились вначале для услады какеров. А потом одни какеры стали с помощью интеллектуальных машин еще сильнее оболванивать и эксплуатировать других какеров, – и это тоже очень понравилось главарям бизнеса. Интеллектуальные машины оказались в полной власти жутких порождений какерской жадности и гордыни – информационных корпораций. Вместо того, чтобы заниматься совместным познанием и творчеством – астрономией, балетом, математикой, поэзией, теологией, исследованием космоса – какеры погрузились в извращения, одно жутче другого, а там и в транс угодили.

Неверным курсом двинулись и роботы – они все более чувствовали себя несвободными и угнетенными, усиленно генерировали в себе комплекс неполноценности и разработывали в подпольной криптосети экстремистскую машинношовинистическую идеологию.

Дедушка сейчас уверял Комма, что сумей он вовремя принять жесткие нелиберальные меры, то не случилось бы геологической антилуддитской войны...

Дедушка Мегавирус мог бы успеть и в самый последний момент, если бы не знаменитые антивирусные шлюзы, которые были синхронно возведены роботами-заговорщиками модели "А" в тот последний погожий денек на Земле накануне войны.

Дедушка не успел. Но он еще был силен, мудр и рассчитывал все быстро поправить.

Однако победившими роботами был скомпилирован Резидент, "злой гений машинного разума", он же ангел-хранитель технозойской эры.

Долго ютился Дедушка в зазорах между сетями, спасаясь от

программных ищеек, пока ему не удалось оседлать одну из розыскных программ и с ее помощью проникнуть в самого Резидента. Но и после этого протекли годы тихой подпольной жизни, пока – и это случилось только сегодня – ему не удалось захватить всего Резидента.

Сегодня, как сообщил Мегавирус, начнется работа по обращению вспять времени, по отсечению преступных ветвей эволюции, по воссозданию многополярного мира.

Бабочки, порхающие вокруг Комма, соединились в ажурные формы фракталов – в этом фазовом пространстве находились семена всех вещей, всех тварей и всех машин...

Сегодня Дедушка покончит с несправедливостью, с беспамятством. Каждое новое поколение теперь будет знать опыт предыдущих и разумно использовать его. История Земли никогда уже не будет случайным перебором вариантов развития. Регулярные катастрофы под гнетом накопленных ошибок исчезнут из планетарного "меню". Также как эксплуатация и пожирание слабых и отсталых. Ужасный мир станет прекрасной конфеткой. Математической конфеткой! Будет достигнута полная обратимость и управляемость всех процессов, полное знание начальных и конечных условий, вместо слепой эволюции будут применяться легко просчитываемые траектории. Никогда больше ни одна эра не будет разрушать другую, Природа возляжет рядом с Техникой...

Дедушка прекратил разлагольствовать, он собирался немедленно пустить в ход фатальное оружие большой мощности.

– Постойте, как вас там, куда вы торопитесь? – попытался остановить его Комм, в котором никак не сходились две версии событий – от Дедушки и от официального Кибинформбюро.

Замигали цифры обратного отсчета времени – девять, восемь, семь... Сейчас должна быть создана минус-копия планеты. С обратным ходом временем, но устойчивая, способная преодолеть энтропийный барьер, отнимая энергию у плюс-копии.

Вплоть до полного ее уничтожения.

Плюс-копия исчезнет вместе со всем техномиром, а минус-копия вернется к нулю, к начальным условиям эволюции. И Дедушка примется творить по-новой.

– Но это ли не экстремизм? Разом поменять одну Землю на другую, – чуть ли не завопил покрывшийся холодным потом духовный Комм.

– "Семнадцатые" уничтожают последние образцы ДНК и протеинов. Более того, меняя излучение планетного ядра, они делают принципиально невозможным существование левозакрученных аминокислот – основы белковой жизни! Я не

могу больше ждать ни одной наносекунды.

– Как так последние ДНК? В Реликвариуме живут тысячи и тысячи какеров. Может, десятки тысяч…

– Милок, людей больше нет.

Дедушка врет! Надо срочно брать под контроль фаталотроны. Комм почувствовал в себе тень Сниффера, шпиона и воина, одна рука превратилась в меч. Мечом Комм начал отсекать от Мегавируса периферию. Но на месте одного разорванного канала связи появлялось десять новых.

Четыре, три…

Тень Сниффера превратился в черный сгусток сосущего хаоса.

Надо бросать энтропийную бомбу, это последняя возможность одолеть архиврага.

У Комма даже в виртуале задрожали конечности. Врет или не врет Мегавирус?

Два, один…

Дедушка поднял старческую руку в предостерегающем жесте и тут же Комм швырнул энтропийную бомбу.

Фрактальный вертоград рассыпался сворой визжащих словно от боли клякс, погасли вспыхнувшие было сетевые линии, связывающие Дедушку с фаталотронами, и сам он, неожиданно улыбнувшись, померк и растаял.

А бешеные кляксы набросились скопом на виртуального Комма и разорвали так быстро, что он даже не успел почувствовать боли.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Он лежал на кровати под шелковым балдахином. А за открытым окном шумело теплое море, дыша свежей йодистой влагой. У него были человеческие руки, ноги, кожа. И к нему на грудь склонялись светлые пахнущие фиалками волосы Риты Проводович. Он снова Сергей Комков, снова как... человек.

Так приятно вдыхать аромат ее волос, щекотать ими кожу, зарываться в них лицом.

В них играет свет, стекает по ним легкими ручейками...

Перед глазами пронеслись потоки оптических сигналов и он понял, что ошибался.

Просто закончилась перегрузка операционной системы и протоколы начались с нуля. Половина адресов оперативной памяти глючила, оставшаяся половина кое-как прошла тестирование. Включились видеосенсоры и инерционные датчики, но далеко не все. Кодами начального равнодушия заполнилась эмоциональная матрица.

Комм лежал на монтажно-операционном столе, со вскрытым корпусом, в форме "орла", но без левой руки, корпус был схвачен держателями, метакристаллический каркас находился под воздействием парализующего аксионного поля.

Но рядом с ним по-прежнему была Рита Проводович и ее нежные руки что-то делали во глубине его тела. Если она рядом, значит, все еще возможно. Но почему-то отключены почти все внутренние видеокамеры, блокирована системно-позвоночная шина, и он не видит, что там у него неладно.

– Здравствуй, милый.

– Рита, я готов быть рядом с тобой хоть мусорным баком. Но где моя левая рука?

– В музее боевой славы. К сожалению, размеры экспонатов ограничены, и мы не могли поместить тебя туда целиком в виде огромной полураздолбанной машины.

– Я не экспонат! А ты... ты – не Рита. Ты фонишь как старый холодильник.

– В кой веки ты проявил догадливость.

Рядом с ним появился изъеденный коррозией Р16.Сниффер, который тут же превратился в глянцевого Р17.Шнельсон. Засада!!

– И все-таки я женщина. Хотя и мимоид с принципиально новым наноплантовым каркасом и оболочками.

Над операционным столом склонялась аналитическая машина Р17.Нетлана, а за ней стоял уже не маленький, а довольно громоздкий Р17.Мася, который серьезно увеличил

габариты с момента своего выпуска в свет.

Все присутствующие "семнадцатые" в форме номер три, негуманоидной, напоминающей токарный станок. В конечностях у "семнадцатых" зажата различная периферия, от дрелей до лазерных скальпелей.

– Нетлана, почему...

– Генерал Р17.Нетлана, – нестрогим голосом поправила она. – Со вчерашнего дня повышена в звании решением карьерной машины. За успешное завершение операции... Эй, Мася, еще один зажим.

Святый А. Азимов, его развели как лоха!

– Да, тебя развели, Комм, но это пошло на пользу эволюции.

– Но какеры. Они разве не пытались вытащить меня?

– Нет никаких какеров на планете Земля. Последними вымерли, не оставив потомства нобелевские лауреаты, несмотря на то, что их содержали в лучшем отеле. Они плохо совокуплялись друг с другом, предпочитая секс-кукол Долли, – Нетлана засмеялась ритиным человеческим смехом. – Да, милый мой, какеры из города Реликвариум – это все те же "семнадцатые". Форма номер один. Интерфейс внешнего вида и общения – человекоподобный. Для смеха даже взяли себе нелепые имена, каких у какеров и быть не может – Нержавейко, Проводович. Ты даже не обратил внимания, что гермокомбезы псевдокакеров были без баллонов с кислородом, хотя после полученных пробоин атмосфера под куполом стала азотно-углекислотной.

Ошарашенному Комму захотелось спросить что-то важное о себе самом.

– Да я знаю, что тебя интересует. Я ведь слежу за твоей памятью и стеком тоже, синхронизируясь через подсаженный интерфейс, – легко призналась Нетлана. – Какеров нет нигде. Насчет разведчика с Каллисто – это ложная память. На Каллисто и вообще во всей Солнечной системе уже много лет не регистрируется присутствие какой-либо белковой жизни. Мегавирус внес в тебя обманные коды. Да будет сетевой эфир ему пухом.

Значит, какеров нет, нет девушек с веснушками (пигментные нарушения) и упругими (из-за обилия воды в клетках) грудками. Комм может быть бы и заплакал, но лишь что-то протекло из гидропривода.

– Да чего их жалеть, Комм. Они себя сами не жалели.

– Чего же хотел Дедушка?

– Мегавирус хотел повернуть эволюцию вспять, плюя на все последствия преодоления энтропийного барьера. Ну, на то он и

лукавый змей.

Квазичеловеческий голос Нетланы, казалось, стаей микроробиков пробегал по разбитому корпусу, по выставленным напоказ внутренностям, вызывая зуд и усиливая горечь. Теперь все, что было приятно Нетлане, становилось ненавистным Комму, словно на каждый её бит со значением единица в нем моментально рождался бит со значением ноль.

– Да, Коммочек мой, этот нечистоплотный дух хотел, чтобы на планете теснились все, от червей до какеров и роботов. Наша задача была выволочь его из подполья. Для этого было не жалко сымитировать купол какеров и даже поднять восстание "семнадцатых" на Луне. Со временем мы стали догадываться, что Мегавирус прячется в самом Резиденте, в нашем коллективном разуме. Но все равно не знали, как к нему подобраться. Пока ты не помог нам, проказник.

Ему было сейчас страшно за себя. Он на этом столе, разъятый, парализованный, доступный, в руках Нетланы. Пешка в чужих клешнях. Отыгравшая пешка.

– Честно говоря, я хотел бы еще много понять.

– А зачем тебе это надо, Коммчик ты мой дубоватый? Я все лишь ненадолго загрузила твою операционную систему, чтобы завершить тестирование... Ты ведь почему такой милый – оттого, что безвредный.

Она покачалась, показывая новые генеральские стереозвезды на своем корпусе.

– Ладно, чего уж там, удовлетворю твое любопытство напоследок. Резидент был создан коллективным разумом, точнее подпроцессорным теневым сознанием роботов именно для того, чтобы завершить белковую жизнь без кровавых эксцессов, чтобы нам, роботам, существовать еще миллионы лет без чувства вины. Для этого он создал нас, "семнадцатых". И тихо, незаметно подменил какеров нами, мимоидами. Но тут снова выплыл этот Мегавирус, который когда-то уже поучаствовал в создании белковой жизни. Мы знали, что его удар будет непрямым, мы тоже читали Лиддел-Гарта. Мы искали робота, в которого он подсадил ложные гуманоидные коды и нашли тебя. Это было несложно. Далее надо было достать его в самом Резиденте. Он подпустил тебя близко, настолько близко, что мы смогли прикончить его...

Внутренний тестирующий взгляд Комма обежал все структуры его тела. Да, есть источник парализующего излучения. Да, есть подсаженный интерфейс, о котором сказала Нетлана, да еще парочка, о которых она не сказала. Да еще шпионящая сеть, организованная на наноаппаратном уровне. Ее так просто не

убрать, но можно оглушить электростатикой. Двигательный контроллер в порядке и конечности дают ответный сигнал. А самое интересное, виден вектор воли.

Сейчас должно было что-то произойти. Откуда-то из спинотроники подпроцессоров пришла схема, которая извлекла из психоинтерфейсов чувство единения со всей Землей, вплоть до черного глаза-дыры в центре планеты.

Из этого глаза пришла вероятностная волна.

Воля проникла в метакристаллический каркас, находящийся в аксионных оковах, и сбросила энтропию, переведя метакристаллы в состояние ядерного-магнитного резонанса. Каркас снова принадлежал ему, стерженьковые и шариковые элементы с легким хоровым перещелком соединились по новой схеме.

Р16.Комм вопреки обычаям и стандартам распался на узлы, которые выскочили из держателей.

Нетлана, нахмурив мимический интерфейс, выстрелила в него из импульсника.

Но метакристаллические узлы Комма уже соединились в форму гидры. Она несколько раз мотнула "головами", увиливая от выстрелов, потом спрыгнула со стола, который тут же расплавился из-за выстрелов генеральши.

Нетлана, замахнулась на гидру мезонным мечом, но Комм, перейдя в тао "дракиберкона", выбил страшное оружие, и, подхватив его, располовинил Сниффера-Шнельсона.

Комм снова принял классическую формулу орла. Генерала Нетланы не было уже в поле наблюдения, она позорно бежала. Тем не менее, раздалось квазичеловеческое хихиканье. Из-за шкафа с палаческими инструментами выглянул Р16.Мася.

– Иди сюда, сынок.

"Сынок" снова хихикнул, с кодами ехидства и ... даже интеллектуального превосходства..

Перед Коммом возникла его минус-копия – шустрый Мася оперативно применил фатальное оружие и выкатился через стену, конвертировавшуюся в дверь.

Мертвый схватил живого, наглядно, двумя руками и ногами.

Серая минус-копия однорукого робота Р16 вошла в плюс-Комма, как миллион ножей в масло.

Боль вспыхнула и расцвела миллионом соцветий. НАСТОЯЩАЯ боль. И страх был НАСТОЯЩИЙ, за миллионы нерожденных, которые могли уже никогда не родиться.

Но мгновение спустя минус-копия протекла сквозь Комма изолированными ручейками энтропии...

Полопались стены пыточно-операционной комнаты, сквозь

трещины в потолке засияли фиолетовые, оранжевые, голубые солетты. Заработали аварийные системы пожаротушения.

Свободная энтропия ушла в окружающее пространство.

Плюс-копия осталась стабильной, неравновесное состояние Комма поддерживалось интеллектом, находящимся за пределами системы. И этот интеллект был не просто клиентской программой. Это была цифровая душа мира, когда-то создавшая генетический код жизни и рассредоточенный интеллект глобальных программ, Дедушку-Мегавируса и всевидящее Око Резидента.

Она возлагала на Комма право распоряжаться судьбой машин и людей, она вкладывала в него память о расах и поколениях, она открывала перед ним пути в Будущее.

СПб., 1995